

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОТЧЕТЫ

795^{-е} ЗАСЕДАНИЕ
9 ОКТЯБРЯ 1957 ГОДА

ДВЕНАДЦАТЫЙ
ГОД

НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предварительная повестка дня (S/Agenda/795/Rev.1)	1
Утверждение повестки дня	1
Индо-пакистанский вопрос (<i>продолжение</i>)	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в квартальных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Условные обозначения документов Организации Объединенных Наций состоят из прописных букв и цифр. Когда такое обозначение встречается в тексте, оно служит указанием на соответствующий документ Организации Объединенных Наций.

СЕМЬСОТ ДЕВЯНОСТО ПЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Среда 9 октября 1957 года, 10 час. 30 мин.

Нью-Йорк

Председатель: г-н Гильом ЖОРЖ-ПИКО (Франция)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Ирака, Китая, Колумбии, Кубы, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Филиппин, Франции, Швеции.

Предварительная повестка дня (S/Agenda/795/Rev.1)

1. Утверждение повестки дня.
2. Индо-пакистанский вопрос.

Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

Индо-пакистанский вопрос (продолжение)

По приглашению Председателя г-н В. К. Кришна Менон, представитель Индии, и г-н Фироз Хан Нун, представитель Пакистана, занимают места за столом Совета.

1. Г-н Кришна МЕНОН (Индия) (*говорит по-английски*): Хотя моя страна и не является членом этого высокого органа и мы здесь присутствуем на основании соответствующего постановления Устава, в связи с обсуждаемым Советом вопросом, я надеюсь, г-н Председатель, что вы разрешите мне принести вам от имени моей делегации поздравления по случаю вашего вступления в должность Председателя Совета Безопасности. Мы знаем, что занятие этой должности чередуется ежемесячно, но так как это первое заседание, на котором вы председательствуете, и мы имеем честь на этом заседании присутствовать, мы хотим выразить наше удовлетворение этим.

2. Сегодня Совет Безопасности снова будет заниматься вопросом, находящимся на его рассмотрении уже несколько лет, но в качестве гражданина Индии и представителя ее правительства я не могу приступить к обсуждению этого вопроса, не коснувшись тех великих бедствий, которые были причинены Кашмиру недавними наводнениями. В княжестве Джамму и Кашмир было затоплено около 70 квадратных миль сельскохозяйственных земель и разрушено 747 деревень. Погибло большое количество скота и были смыты

мосты. Но решимость и объединенные усилия населения Сринагара и индийской армии еще раз спасли этот город от разрушения. В свое время этот город был спасен от разрушения человеком, а в этот раз он был спасен от разрушения силами природы.

3. Мы собрались здесь сегодня на основании постановлений резолюции, принятой Советом Безопасности 21 февраля 1957 года (S/3793). Как известно Совету Безопасности, мы не участвовали в принятии этой резолюции. Это — резолюция Совета, в которой одному из его членов предлагается посетить Индию и Пакистан, а правительствам этих двух стран — сотрудничать с ним при выполнении этих функций. Когда эта резолюция была принята, я заявил Совету от имени правительства Индии, что, поскольку дело касается Председателя Совета Безопасности, мы в любое время будем рады принять его в своей стране, но его полномочия должны рассматриваться с политической точки зрения (774-е заседание, пункт 37). Председатель Совета Безопасности всегда будет желанным гостем в Индии. Гостеприимство нашей страны и внимание нашего правительства — к его услугам.

4. Мы исполнили свое обещание: мы сделали все от нас зависящее, чтобы сделать пребывание г-на Ярринга в нашей стране как можно более приятным, и мы были к его услугам, когда только он этого желал. Насколько я помню, он два или три раза имел встречи с представителями нашего правительства, а с пакистанскими властями — четыре раза. Я сам имел возможность встречаться с ним несколько раз, причем при этих встречах с индийской стороны не было сделано никаких предложений в связи с обсуждавшимися проблемами. Мы выслушали его, ответили на заданные им вопросы и не чинили никаких препятствий в отношении проведения им переговоров с кем бы то ни было в нашей стране, а также никаких препятствий в отношении посещения любой ее части, включая Кашмир.

5. Настоящее заседание было созвано на основании упомянутой резолюции и доклада Председателя Совета Безопасности (S/3821), содержащего его наблюдения и изложение тех целей, к осуществлению которых необходимо, как он считает, стремиться при посещении Индии по поручению Совета Безопасности. Пределы компетенции, о которых я упоминал ранее, нас не касаются — это касается только представителя Швеции, который, с нашей точки зрения, является единственным толкователем резолюции от 21 февраля 1957 года. Но правительство Индии уже заявляло и всякий раз, когда предоставится возможность, будет повторять, что основанием для созыва настоящего заседания является направленная нами Совету Безопасности жалоба по поводу совершенного Пакистаном против нашей территории акта агрессии, заключающегося прежде всего в том, что Пакистан дал разрешение своим нерегулярным воинским частям перейти за пределы пакистанской территории на протяжении 500 миль, в то время как, согласно международным правовым нормам, на власти Пакистана возлагается как юридическое, так и моральное требование интернировать эти части и подвергнуть их тюремному заключению. Кроме того, мы явились сюда не искать возможности вынесения осуждения, а просить добрых услуг Совета Безопасности в соответствии с главой VI Устава, для того чтобы положить конец этой агрессии.

6. Таким образом, мы присутствуем здесь сегодня главным образом в связи с нашей жалобой, а также в связи со всем тем, что лежит в основе сложившейся ситуации, и прежде всего в связи с постановлениями упомянутой резолюции. Правительство Индии не намеревалось заниматься анализом или толкованием доклада представителя Швеции, доклада Совету Безопасности. Обсуждение этого доклада — дело главным образом членов Совета. Но на 791-м заседании мой коллега, министр иностранных дел Пакистана, представил Совету то, что в его представлении является толкованием этого документа.

7. Я не намерен последовательно отвечать на все те искажения, которые, как для нас это совершенно очевидно, он допустил, однако в процессе обсуждения этого документа я, естественно, буду высказывать мнения, противоположные тем, которые были высказаны им. Быть может, членам Совета Безопасности будет легче разобраться в вопросе, если на сегодняшнем утреннем заседании я постараюсь объяснить, каким образом я предлагаю его рассмотреть, и если к этому окажется хоть какая-нибудь возможность, закончить рассмотрение этого вопроса на нынешней сессии. Если я не смогу это сделать сегодня утром, я надеюсь, что мне будет предоставлена возможность продолжить выступление на дневном заседании.

8. Я намерен рассмотреть, насколько я сумею это сделать, доклад представителя Швеции, а затем перейти к направленным против моей страны за-

явлениям и необоснованным утверждениям, которые были сделаны министром иностранных дел Пакистана, и после этого остановиться на тех ситуациях, которые возникли со времени последнего заседания Совета Безопасности в связи с продолжением агрессивных действий нашим соседом, которого мы до сих пор не называем иностранным государством, и, наконец, заявить о нашей собственной позиции в связи со сложившимся положением.

9. Я позволю себе также указать на то, что, поскольку Совет Безопасности не обсуждал этого вопроса, любые замечания, которые я делаю сегодня, не должны рассматриваться как окончательные даже в пределах настоящей сессии Совета. Мы хотели бы выслушать мнения членов Совета Безопасности относительно доклада, который они просили им представить. Мы не имеем права настаивать на том, чтобы они высказались по этому вопросу, но мы имеем право выразить наше пожелание относительно этого. Поэтому я резервирую нашу позицию в отношении любых последующих заявлений, которые могут быть сделаны министром иностранных дел Пакистана или членами Совета Безопасности.

10. В своем докладе г-н Ярринг указывает, что он прибыл в Карачи 14 марта 1957 года. Поэтому его миссия началась в Пакистане, а не в Индии. Можно, таким образом, предполагать, что по прибытии в Индию г-н Ярринг был уже осведомлен о позиции пакистанского правительства. Я могу лишь сказать «предполагать» потому, что, как на это указал министр иностранных дел Пакистана, обмен мнениями между г-ном Яррингом и представителями пакистанского правительства оглашению не подлежит, считается конфиденциальным, происходившим между ним и представителями правительств, и, несмотря на то что у нас имеется полный стенографический отчет о наших беседах с представителем Швеции, я не намерен приводить из него никаких выдержек.

11. После пребывания в Карачи в течение трех дней г-н Ярринг прибыл в Индию и пробыл там четыре дня. Это были особенно жаркие дни, но мы всячески позаботились о том, чтобы г-ну Яррингу было удобно. После 28 марта он возвратился в Карачи и спросил у представителей индийского правительства — об этом было объявлено публично, — что если это целесообразно, то не мог ли бы он снова посетить Индию. Мы дали ему все тот же ответ: «Милости просим в любое время». Мы были рады встретиться с ним опять, когда он вновь прибыл в Индию 6 апреля. Затем он снова возвратился в Пакистан и, наконец, 11 апреля покинул Карачи. В докладе говорится, что он вел беседы с представителями обеих сторон.

12. Теперь мы перейдем к содержанию доклада, и я остановлюсь на пункте 6. Мы признательны г-ну Яррингу за его свидетельство о том, что индийское правительство оказало ему всестороннее и полное содействие и что наши беседы с ним

протекали в самой искренней и дружественной атмосфере.

13. В ходе этих бесед г-н Ярринг сообщил нам, что в качестве отправного пункта того пути, по которому он следует, он считает резолюции, принятые Комиссией ООН для Индии и Пакистана 13 августа 1948 года и 5 января 1949 года. Это обстоятельство имеет определенное значение в связи с некоторыми другими замечаниями, которые я сделаю позже. Нам представилась также возможность если не обсуждать данный вопрос, то встретиться с г-ном Анже из Департамента по политическим делам и делам Совета Безопасности, который со сдержанностью, соответствующей характеру данного вопроса, не выразил никаких мнений, и я так и не смог узнать, что он думает. Мы также были рады помощи, которую нам оказывал представитель Бюро Генерального Секретаря. Директор информационного центра Организации Объединенных Наций в Нью-Дели, гражданин Кубы, также был у нас и содействовал созданию благоприятной обстановки для наших бесед.

14. Теперь мы переходим к тексту доклада. Пункт 8 этого доклада относится к Пакистану. В пункте 9 г-н Ярринг говорит:

«Мои усилия были поэтому с самого начала направлены на изыскание способа урегулирования тех проблем, которые возникли в связи с этими двумя резолюциями» (S/3821, пункт 9).

На эти две резолюции имеется ссылка в пункте 8, где г-н Ярринг говорит:

«Представитель Индии со своей стороны заявил, что только эти две резолюции являются обязательствами, принятыми его правительством» (там же, пункт 8).

В связи с этим в докладе делается ссылка на пункт 77 стенографического отчета 763-го заседания.

15. Я надеюсь, что Совет не сочтет меня слишком педантичным в отношении выбора слов, ибо по имеющемуся у нас опыту прошлых лет мы знаем, что при выступлении по этому вопросу необходимо быть как можно более осторожным в выборе слов. Каков бы ни был буквальный текст этих заявлений, я неоднократно заявлял, что правительство Индии обязалось выполнять эти резолюции. Это обязательство, однако, основано на предварительном условии, которое должно быть выполнено Пакистаном. После выполнения этого условия могут возникнуть другие обязательства, если положение останется без изменений. Таким образом, говоря об обязательствах, их следует рассматривать как обусловленные обязательства. Я хочу зачитать вам то, что я сказал 23 января 1957 года; вот мои слова:

«Только эти резолюции со всеми упомянутыми мной условиями являются обязательствами, принятыми нами в отношении Кашмира перед Советом Безопасности и всем миром» (763-е заседание, пункт 77).

16. Эти последние слова имеют очень важное значение, ибо в ряде моих выступлений перед Советом Безопасности в ходе заключительной серии заседаний я выражал мнение, что заверения, данные нам Советом в его резолюциях, — те заверения, на основании которых мы достигли соглашений, являются факторами, обязывающими и сам Совет, и что эти резолюции могут толковаться только в контексте событий того времени и торжественных заверений, данных от имени Комиссии. От этой позиции мы не отказались. Мы по-прежнему продолжаем считать для себя обязательным выполнение этих резолюций с учетом положения того времени, когда они были приняты, и заверений, о которых я только что напомнил.

17. Но никакие резолюции — ни эти, ни те, которые мы не приняли, ни какие бы то ни было другие, которые Совет Безопасности может принять впоследствии, — не заставят нашу страну отказаться от той позиции, что основанием для созыва настоящего заседания послужила наша жалоба по поводу агрессии. Мы призываем Совет Безопасности сделать минимум того, что он должен сделать, — исполнить свой первоочередной долг и вынести решение с требованием о том, чтобы другая сторона не совершала впредь актов агрессии. Ибо, согласно Уставу Организации Объединенных Наций, на основании постановлений которого мы здесь собрались, никакая страна не может извлечь для себя никаких преимуществ из агрессии и никакие ее притязания не могут быть основаны на агрессии.

18. Выступая в Совете Безопасности в прошлый раз, я указал на то, что каковы бы ни были аргументы за или против многочисленных аспектов рассматриваемого вопроса, перед нами неизбежно возникает один основной вопрос: в каком физическом или политическом отношении к Кашмиру находится Пакистан? Каков его *locus standi* в этом вопросе? К счастью для меня, в речи министра иностранных дел Пакистана есть пункт, в котором он говорит о *locus standi*. Он заявил, что *locus standi* дается Пакистану в отношении Кашмира тем, что Пакистан является стороной в резолюциях Комиссии. По крайней мере он ограничился ссылкой на эти резолюции. Если речь идет об этих двух резолюциях, то следует иметь в виду, что в них определенно устанавливаются суверенитет правительства княжества Джамму и Кашмир на всей его территории, а также право и обязанность Индии защищать Джамму и Кашмир от опасностей, могущих ему угрожать извне, поддерживать в нем внутренний порядок, тогда как Пакистан исключается из участия в проведении каких-либо предусмотренных в этих резолюциях мероприятий. Даже в том случае, если бы был проведен плебисцит, администратор плебисцита должен был бы представлять свои доклады правительству княжества Джамму и Кашмир и Совету Безопасности. Пакистану предоставлялось бы лишь выслушивать сообщения о результатах плебисцита. Как об этом многократно заявляется в резолюциях Ко-

миссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана, Пакистану во всем этом деле не предоставляется никаких функций; о том, чтобы Пакистану давалось какое-то право каким-то образом ограничивать суверенитет правительства княжества Джамму и Кашмир или всего Союза, не может быть и речи. Таково содержание пункта 8.

19. Теперь мы переходим к пункту 9, в котором г-н Ярринг говорит: «Мои усилия были поэтому с самого начала направлены на изыскание способа урегулирования тех проблем, которые возникли в связи с этими двумя резолюциями». «Проблемы, которые возникли в связи с этими двумя резолюциями» — это весьма осмотнительно выбранные слова. Это — проблемы, которые возникли после принятия резолюций, и если учесть все относящиеся к делу обстоятельства, то их можно считать проблемами, возникшими в связи с этими двумя резолюциями. Мы должны рассмотреть эти проблемы, независимо от того, связаны ли они с этими двумя резолюциями или нет, — проблемы, которые касаются не только совершения, но и усиления агрессии, аннексии территории, господства террора в оккупированных Пакистаном районах, лишение населения этих районов гражданской или какой бы то ни было другой свободы, а также происходящих там экономического упадка и эксплуатации. Таковы условия, возникшие в связи с этими двумя резолюциями.

20. Затем в пункте 10 г-н Ярринг заявляет: «...Я отдавал себе отчет в серьезности проблем, которые могут возникнуть в связи с плебисцитом или в результате его проведения». Это — опять фраза, в которой слова выбраны весьма осмотнительно. «Я отдавал себе отчет в серьезности проблем» — эти слова не означают, что индийское правительство осведомило г-на Ярринга об этих проблемах. Отдавать себе в чем-то отчет — значит что-то осознать; это отнюдь не значит осознавать что-то под влиянием стимула, полученного извне. Речь, следовательно, идет о том, что в этой области было известно самому г-ну Яррингу. Далее говорится о проблемах, «могущих возникнуть в связи», то есть в качестве явления параллельного, а также «в результате проведения плебисцита». Я надеюсь, что Совет Безопасности полностью примет эти слова во внимание и, рассматривая этот вопрос, будет принимать во внимание не только то, какие резолюции были приняты, но также и связанные с ним важные социальные и политические проблемы, влияющие на целостность и единство Индии с ее населением в 376 миллионов человек и Пакистана с его населением в 80 миллионов человек, а также принимая во внимание целый ряд других связанных с этими проблемами элементов.

21. В пункте 11 своего доклада г-н Ярринг заявляет: «Я пришел к выводу, что на мне лежит обязанность изыскать пути и средства, которые позволили бы устранить или по крайней мере

существенно облегчить эти трудности». Последняя часть этой фразы имеет важное значение, ибо в ней подразумевается, что эти трудности могут быть непреодолимыми; иначе для чего было бы говорить об их «существенном облегчении»?

22. Пункт 12 касается не только г-на Ярринга, но также моего коллеги, представителя Пакистана. В этом пункте г-н Ярринг заявляет: «Исходя из этого, я внес обоим правительствам ряд предложений, которые, однако, по различным причинам оказались обоюдно неприемлемыми для них». Мой коллега, представитель Пакистана, утверждает, что его правительство приняло все сделанные предложения, в то время как мы опять каждое из них отвергли. Доклад г-на Ярринга составлен на ясном английском языке. В нем нет двусмысленностей. Я не касаюсь здесь вопроса о том, приняли ли мы или отвергли какие-то определенные пункты. Но в докладе ясно говорится, что эти предложения были для сторон взаимно неприемлемыми; это значит, что то, что было приемлемо для нас, было неприемлемо для другой стороны и то, что могло быть приемлемо для другой стороны, было неприемлемо для нас. Таким образом, в связи с рассматриваемым вопросом этот документ не возлагает ответственности, а также не порицает какую-либо одну из сторон. Г-н Ярринг просто хочет сказать, что его попытка посредничества окончилась неудачно, так как он не смог найти общей для двух сторон почвы. В этом докладе не содержится ничего, что налагало бы на Индию какое бы то ни было обвинение в несговорчивости или в том, что она отвергала все, что было предложено. Это приводит нас к основному вопросу, относящемуся к теперешнему положению, который излагается в пункте 13 доклада.

23. Я не хотел бы, чтобы подробное рассмотрение каких-либо пунктов упомянутого доклада заслонило ту общую картину, которую мы стремимся в нем подчеркнуть. Та общая картина, которая вырисовывается из содержания этого доклада, заключается в том, что бывший Председатель Совета Безопасности понимал — и, судя по докладу, с этой точки зрения и рассматривал положение, — что мы все еще не выполнили положений части I резолюции от 13 августа 1948 года. Хотя г-н Ярринг и упоминает о том, что противоположные стороны придерживаются двух различных точек зрения, он подчеркивает, что никакого дальнейшего прогресса в этой области достигнуто не было. Правительство Индии всегда придерживалось той позиции, что часть III этой резолюции обусловлена выполнением ее части II и что ее часть II обусловлена выполнением части I этой резолюции, то есть, что вся резолюция обусловлена выполнением всех перечисленных в ней условий, на которые в свое время согласились обе стороны и которые Пакистан тогда же нарушил и продолжает нарушать в настоящее время. Таким образом, находящийся на рассмотрении Совета Безопасности доклад относится к части I этой резолюции, и мы не на-

меры идти в нашем обсуждении дальше этого пункта. Никто не может обращаться в трибунал или в любое другое подобное учреждение и просить о примирении или справедливом рассмотрении дела, если его руки нечисты. Тот, кто сам не проявляет справедливости, не может просить, чтобы она оказывалась по отношению к нему. До тех пор пока не выполняются постановления раздела В части I резолюции, относящейся к военному потенциалу Пакистана, до тех пор пока против Индии продолжает вестись кампания призывов к священной войне, подкрепляемая и сопровождаемая теми «любезностями», которые пакистанский министр иностранных дел на днях говорил о нашем народе и нашем правительстве, часть I этой резолюции остается невыполненной.

24. В поддержку позиции Пакистана цитировался доклад г-на Фрэнка П. Грэма. Разрешите мне прежде всего указать на то, что мое правительство всегда считало, что переговоры с г-ном Грэмом носили предварительный характер. Я заявил об этом с самого начала, и несколько позднее я вернусь к этому. Но как бы то ни было, вы найдете в докладе г-на Грэма упоминание о том, что часть I резолюции от 13 августа 1948 года была выполнена лишь частично, только в отношении прекращения огня. Таким образом была выполнена лишь часть I этой резолюции благодаря в значительной степени желанию правительства и народа Индии не вести кровопролитную войну. Следовательно, это — все, что было выполнено. На сегодняшний день все еще остается невыполненной часть I этой резолюции, причем грубо нарушены ее разделы В и Е.

25. Г-н Ярринг упоминает о нашей основной позиции по этому вопросу. Лишь вчера в Токио эта позиция была изложена премьер-министром Индии. Вторжение, произведенное в нашу страну, это такая проблема, которая касается не Кашмира, Джамму или какого бы то ни было другого района; вторжение в нашу страну касается всей страны, ибо это — вторжение, совершенное Пакистаном в пределы Индийского Союза. Г-н Ярринг ссылается на это и совершенно правильно передает Совету Безопасности, что мы заявили ему, что Пакистан должен «прекратить агрессию». Это именно то, что мы ему сказали.

26. Однако в пункте 14 своего доклада г-н Ярринг заявляет: «...Совет Безопасности учел соответствующим образом первоначальную жалобу Индии, а что касается меня, то в мою компетенцию не входит высказываться по вопросу о том, являются ли резолюции Совета по этому вопросу достаточными или нет». Мой коллега, представитель Пакистана, толкует это заявление в том смысле, будто бы г-н Ярринг заявил Совету Безопасности, что он сказал нам, что с вопросом об агрессии покончено. На самом деле, это совершенно неверно. «Принятие к сведению» является общеизвестной юридической процедурой; когда Совет Безопасности что-либо принимает к сведению, это означает, что какой-то во-

прос, какой-то протест попадает к нему на рассмотрение. До тех пор пока этот вопрос не будет снят с повестки дня Совета Безопасности, против Пакистана остается в силе обвинение в совершении акта агрессии против Индии. Таким образом, в этом пункте своего доклада г-н Ярринг заявляет лишь то, что протест Индии был принят к сведению. Считая, что пределы его компетенции ограничиваются постановлениями резолюции от 13 августа 1948 года и резолюции от 5 января 1949 года, г-н Ярринг просто не желает выходить из рамок этих двух резолюций и различных содержащихся в них постановлений.

27. Мы, однако, идем дальше и заявляем, что каждый, кто безоговорочно и полностью принимает эти две резолюции, должен согласиться не только путем косвенных умозаключений, но и путем прямой логики с тем, что мы имеем дело с фактом агрессии. Я не хочу повторять того, что я уже говорил в прошлый раз о содержании этих резолюций. Если члены Совета Безопасности не откажутся вспомнить то, что уже говорилось по этому вопросу, они увидят, что если в этих резолюциях есть какое-то значение, то оно сводится к утверждению суверенитета правительства — не княжества, а именно правительства — Джамму и Кашмира, а также права и обязанности Индии защищать внешние границы этого княжества и приходить на помощь его местным властям. Кроме того, мы не сделаем ничего, что могло бы изменить это положение в вопросе суверенитета в пользу Пакистана или кого бы то ни было другого. Во всех документах в качестве инстанций, могущих назначить администратора плебисцита, называется лишь правительство Индии или правительство княжества Джамму и Кашмир — его не может назначить никто другой. Индия до сих пор продолжает нести на себе ответственность по поддержанию в Кашмире законности и порядка. На нас одних лежит обязанность принимать меры по охране торговых путей и по несению гарнизонной службы в пограничных районах, захваченных Пакистаном. Значит, вся эта резолюция основана на принципе сохранения территориальной целостности Кашмира как части Союза и на подразумеваемом при этом признании того факта, что неприкосновенность его территории была нарушена. Таким образом, когда г-н Ярринг заявляет, что он это «принимает к сведению», я имею полное право толковать это в том смысле, что Совету Безопасности известно, что на территорию одной страны было произведено вторжение и что «в его, г-на Ярринга, компетенцию не входит» решать вопрос о том, «достаточно ли» меры, принятые в связи с этим Советом Безопасности. Следовательно, это не вопрос двух возможных толкований; я думаю, что это единственное естественное толкование этой резолюции. Общеизвестное правило юридической практики заключается в том, что когда перед вами имеется какой-то документ, вы интерпретируете его в его естественном значении. Поэтому мы категорически отрицаем, что в этом докладе содержится нечто такое, что мог-

ло бы оправдать толкование, которое ему дает мой коллега, представитель Пакистана, и согласно которому бывший Председатель Совета Безопасности якобы заявил индийскому правительству, что с вопросом об агрессии покончено. Теперь пакистанцы идут в отношении даваемой ими интерпретации еще дальше, к чему я сейчас вернусь, утверждая, что агрессорами и оккупантами, занявшими чужую территорию, были мы. Это напоминает мне рассказ, который, будучи ребенком, я слышал у себя на родине. В один дом забрался вор, и как соседи, так и члены семьи, проживавшей в этом доме, стали его ловить. Тогда вор, за которым они все гнались, при бег к хитрости. Он смешался с толпой и закричал: «Держи вора». Лучший способ сложить с себя обвинение в агрессии — это назвать агрессором другого. Но я никогда ничего более нелепого не слышал. В ходе всего обсуждения кашмирского вопроса в Совете Безопасности еще никогда за последние десять лет не высказывалась мысль о том, что правительство Индии или его представители, его войска или же правительство штата Кашмир, который является частью федеративной структуры Индии, находились на территории Джамму и Кашмира в силу агрессивных или захватнических действий.

28. Говорилось, что в этой области нужны новые определения некоторых понятий и установление некоторых новых положений. В этом направлении делались уже попытки. Фактически Комиссия упоминает в одном из своих документов о том, что Совет Безопасности рассмотрел весь этот вопрос в то время, когда, как это было ему известно, в Кашмире находились индийские войска, и я надеюсь, что никто из его членов — принимая во внимание исторические события, в которых его родина принимала участие, это особенно относится к представителю Соединенного Королевства — не будет утверждать, что на правительстве Индии не лежит обязанность приходить на помощь княжеству Джамму и Кашмир, когда в его пределы было произведено вторжение, даже если бы это княжество не присоединилось к Индийскому Союзу. Такая практика применялась в течение последних ста пятидесяти лет, с того времени, как лорд Далхаузи послал четыре полка того, что в то время называлось индийскими войсками, в княжество Хайдерабад на основании системы так называемых «вспомогательных мер», от которой мы имели глупость слишком рано отказаться. В то время действовала установка, согласно которой, если какая-либо часть территории Индии, находившаяся под управлением азиатских князей, испытывала трудности внутреннего характера либо находилась под угрозой нападения извне, правительство Индии должно было немедленно прийти к ней на помощь.

29. Мы пытались избежать рассмотрения ненужных юридических и конституционных положений. С точки зрения Закона о независимости Индии (*Indian Independence Act*) между юридическим положением Индии и Пакистана есть разница.

Индия является государством — преемником британской власти в Индии. Мы являемся преемником «Бхарата-Деша». Британская власть в Индии была, с одной стороны, преемником власти императора Могола, а с другой — основывалась на актах британского парламента и на праве завоевателя. Мы являемся преемниками права завоевателя, положив конец режиму, основанному на завоевании; мы приняли на себя все обязательства, вытекающие из юридической позиции, сформулированной британским парламентом, и мы признали все постановления общего права и все частные права, основанные как на решениях диванов Бихара, Бенгала и Ориссы, так и на наследии империи Моголов. Мы являемся законными преемниками британской власти в Индии. Мы являемся также преемниками всех обязательств. Мы связаны рядом договоров, включая те договора, которые были заключены британским правительством с некоторыми султанами Персидского залива. Но каждое обязательство по необходимости связано с какими-то преимуществами. Наше государство является государством-преемником и поэтому, даже в том случае, если бы Кашмир не присоединился к Индии, на нас лежало бы обязательство прийти на помощь населению этих районов, когда их земли грабили, когда там насиловали женщин и угоняли на рынки рабов. В одном сообщении, относящемся к тому периоду, говорится, что после того, как Барамула подверглась разграблению, в ней не осталось ни имущества жителей, ни молодых женщин.

30. Итак, по нашему мнению, бывший Председатель Совета Безопасности согласен с нашей точкой зрения и считает, что часть I резолюции выполнена не была — это, очевидно, подразумевается в его докладе. Я не намерен начинать личные переговоры с Пакистаном, утверждающим, что эта часть резолюции была выполнена. Мы изложили здесь свою позицию, и, кроме того, представитель Пакистана процитировал в отрыве от контекста часть резолюции Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана, чтобы показать, что эта резолюция проводилась в жизнь, а также — другую часть резолюции, чтобы доказать, будто бы в княжестве Кашмир имеется больше вооруженных сил Индии, чем в период заключения соглашения с прекращением огня. В связи с этим Комиссия заявила, что нельзя сказать, что та или другая сторона формально выполнила положения раздела В части I резолюции от 13 августа 1948 года¹. Мы немедленно рассмотрели этот вопрос с Комиссией через посредство постоянного представителя Индии при Организации Объединенных Наций. Мы изложили нашу позицию, и в дальнейшем этот вопрос больше не поднимался. Но остальная часть доклада Комиссии посвящена продолжению оккупации Пакистана и вопросу об усилении наших войск. С тех пор как мы

¹ *Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430, пункт 226.*

послали эту телеграмму, ни один из органов Совета Безопасности не поднимал перед нами этого вопроса. Я являюсь министром обороны Индии и знаю, какие наши вооруженные силы находятся в районе. Их численность значительно меньше той, которая разрешена упомянутыми резолюциями.

31. В телеграмме, посланной нами Комиссии, говорилось, что наш генеральный штаб категорически отрицает, что с момента прекращения огня военный потенциал наших вооруженных сил в каком бы то ни было отношении увеличился. В то время командующим индийскими вооруженными силами в этом районе был англичанин. В действительности, наоборот, потенциал наших вооруженных сил был уменьшен, поскольку вся находившаяся там в то время истребительная и бомбардировочная авиация королевских индийских военно-воздушных сил была выведена из пределов княжества. Очевидно, мнение Комиссии было основано на заявлении, сделанном 7 июля 1949 года штабом пакистанской армии наблюдателю Организации Объединенных Наций. Оно было передано штабу пятого корпуса, который 15 октября 1949 года сообщил наблюдателям Организации Объединенных Наций точные сведения о численности наших вооруженных сил. Наш командующий западным фронтом в тот же день послал также экземпляр этого сообщения в штаб-квартиру группы наблюдателей. Мы считаем, таким образом, что, постольку, поскольку это касается нас, вопрос исчерпан. В своем докладе Комиссия не приводит никаких данных, которые свидетельствовали бы о нарушении Индией части I резолюции, тогда как в нем имеется совершенно определенное обвинение Пакистана. Оно содержится в пункте 225 предварительного доклада Комиссии².

32. Поэтому совершенно неверно утверждать, что одинаковое число нарушений части I резолюции имеется с обеих сторон. Во-первых, мы никак не могли бы нарушить неприкосновенность нашей собственной территории. Мы не можем быть иностранцами в своей собственной стране. Если мы размещаем войска в своей собственной стране, мы этим никак не нарушаем ее территориальной неприкосновенности. Основная ошибка моего коллеги, представителя Пакистана, заключается в том, что, согласившись с тем, что является *locus standi*, он исходит далее из позиции, что это дает Пакистану в отношении Кашмира какие-то права, которыми не обладает никто другой, или что Кашмир является чем-то вроде ничьей земли, которая может быть кому-то присуждена или может быть захвачена мародерами из Пакистана или Транспакистана. Это — позиция, с которой никак нельзя согласиться. Как бы то ни было, однако бывший Председатель Совета Безопасности с характерным для него нейтральным подходом заявил, что он выслушал мнения обеих сторон, из которых одна утверждала, что часть I резолюции не была выполнена,

в то время как другая сторона утверждала, что она была выполнена. Что касается вопроса об увеличении военного потенциала, который упоминается в части I резолюции, то не следует забывать, что основной датой в этом отношении является 20 августа 1948 года, то есть тот день, когда мы приняли резолюцию Комиссии от 13 августа этого года. В то время мы получили от Комиссии заверения, что именно эта дата должна служить исходным пунктом, как это и следует из текста резолюции. Основной датой является, таким образом, 20 августа 1948 года. Если увеличение вооруженных сил произошло с 13 августа 1948 года, то имеет место нарушение раздела В части I резолюции Комиссии.

33. Итак, г-н Ярринг, по-видимому, считает создавшееся положение тупиком. Мы это тупиком не считаем. Когда в вашу страну было произведено вторжение извне, то это не тупик. Это просто вторжение. В тупик, вероятно, привела процедура, которой г-н Ярринг следовал; поэтому и было выражено пожелание — в данном случае я имею в виду одну лишь часть I раздела В резолюции; быть может, будет лучше, если, прежде чем переходить к вопросу об арбитраже в связи с разделом В, я покончу с этим вопросом, чтобы мы рассмотрели вопрос о том, увеличилась ли там численность наших вооруженных сил, увеличилось ли количество снаряжения, усилилась ли политическая организация и вообще произошло ли там увеличение наших вооруженных сил по сравнению с тем количеством, которое было на 20 августа 1948 года и каким оно должно было бы оставаться теперь в соответствии с нормами субъектного права. Мы на это все ответим тогда, когда мы будем говорить об арбитраже.

34. Затем в части I резолюции имеется раздел E, относящийся к так называемой «кампании ненависти»; в этом разделе к сторонам обращается просьба установить условия, которые благоприятствовали бы дальнейшему ходу переговоров. С 1949 года мы всегда утверждали в Совете Безопасности, где нашу точку зрения защищал сначала верховный прокурор Индии, потом г-н Галпаласвами Айянгар, а затем сэр Бенегал Рау и г-жа Пандит, что против нас ведется систематическая и давнишняя кампания священной войны, что против нас ведется пропаганда ненависти и что ни в один из моментов этой кампании представители Пакистана не упускали возможности произносить по нашему адресу угрозы и оскорблять нас даже на заседаниях Совета Безопасности. Но так как десять лет тому назад пакистанцы были нашими соотечественниками и большинство из них все еще остается нашими друзьями, мы не хотим делать из этого события.

35. На это министр иностранных дел Пакистана отвечает, что все, с чем к нам обращаются в разделе E части I резолюции, — это обратиться по этому вопросу с призывом. Вряд ли он сам действительно так думает. Неужели он хочет сказать, что от пакистанской печати, премьер-министра Пакистана или пакистанской службы

² Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430.

безопасности требовалось только заявить: «Вам следует прекратить военные действия, а, впрочем, поступайте, как вам угодно»? Неужели он имеет в виду именно это, то есть то, что пакистанские власти должны были обратиться всего лишь с таким призывом? Помимо того что это утверждение само по себе не соответствует действительности, имеется целый ряд резолюций Совета Безопасности, из коих мы некоторые не приняли, свидетельствующих о противоположном.

36. Так, в пункте 8 постановляющей части резолюции Совета Безопасности от 30 марта 1951 года Совет предлагает правительствам Индии и Пакистана

«принять все возможные меры по обеспечению создания и поддержания благоприятной для продолжения дальнейших переговоров атмосферы и воздержаться от всяких шагов, которые могли бы сорвать справедливое и мирное разрешение спора» (S/2017/Rev.1).

37. Таким образом, Совет Безопасности предложил правительствам не просто выразить желание, а принять в этом направлении активные меры. И мы утверждаем — ибо таковы факты, — что, как я сегодня это докажу и как я это доказывал уже раньше, эти меры не только не были приняты, но, наоборот, ответственными лицами в Пакистане проводились мероприятия военного характера и велась психологическая война, а это находится в прямом противоречии с упомянутым постановлением Совета Безопасности.

38. В резолюции от 10 ноября 1951 года Совет Безопасности с удовлетворением отметил также:

...«Заявления обеих сторон о своем согласии с теми частями предложений г-на Грэма, в которых подтверждается их твердое намерение добиваться достижения мирного разрешения вопроса и их решимость соблюдать соглашение о прекращении огня...» (S/2392).

39. В доказательство того, что часть I резолюции выполнена, приводится пункт 28 третьего доклада г-на Грэма. И с первого взгляда действительно может показаться, что часть I этой резолюции была выполнена. Но я попрошу членов Совета Безопасности внимательно прочитать нижеследующий текст. Вот что говорится в пункте 28:

«Часть I относится к прекращению огня. Главной целью КООНИП в первой стадии ее деятельности было прекращение военных действий». Это совершенно верно. «Обе стороны договорились о прекращении огня, которое вступило в силу 1 января 1949 года, и как завершение выполнения этой части резолюции» — здесь вообще не говорится о части I резолюции, но о той ее части, которая относится к прекращению огня, что окончательно и выясняется из дальнейших слов, — «по соглашению обоих правительств, заключенному под эгидой КООНИП в Карачи 27 июля 1949 года, была установлена линия для вооруженных сил с

момента прекращения огня. Эта линия была впоследствии отмечена на местности» (S/2611 и Corr.1, пункт 28).

40. Упоминание здесь г-ном Грэмом части I уточняется двумя из трех фраз. Прежде всего в этом документе имеется ссылка на соглашение, заключенное в Карачи. Это соглашение относилось к установлению линии перемирия и к прекращению военных действий, а не к разделам E и B части I резолюции, о которых мы сейчас говорим. На этом основании мы утверждаем, что совершенно неправильно приводить пункт 28 третьего доклада г-на Грэма в качестве доказательства выполнения части вышеупомянутой резолюции. Г-н Грэм никогда не ставил нас в известность о том, что часть I этой резолюции была выполнена. Совершенно верно, что об этом велись переговоры, носившие предварительный характер. Мы всегда обсуждали части I и II этой резолюции совместно, так как часть II не может выполняться отдельно от части I. Но г-н Грэм, продолжавший работу Комиссии и во всех практических отношениях олицетворявший эту Комиссию, никогда не ставил в известность правительство Индии, что часть I была выполнена. Если бы он известил об этом правительство Индии, мы представили бы ему свидетельства самой Комиссии, ибо никакой последующий комиссар не может отвергнуть установленных Комиссией фактических данных, не приведя вместо них новых данных и не убедив нас в истинности этих последних. Таким образом, пункт 28 доклада г-на Грэма относится только к требованию о прекращении военных действий, которое мы совершенно искренне выполнили.

41. Ввиду расхождения во мнениях о том, можно ли считать часть I резолюции выполненной, г-н Ярринг, для того чтобы выйти из создавшегося тупика, предложил решить этот вопрос посредством «арбитража». Я ставлю слово «арбитраж» в кавычки, ибо в данном случае, по нашему мнению, затрагивается весьма важный вопрос не только в отношении Кашмира, но и в отношении нашего престижа перед всем миром вообще.

42. Однако я хотел бы, чтобы члены Совета прочитали пункты 17 и 18 доклада г-на Ярринга (S/3821) и постарались выяснить их подлинное значение. Пункт 17 гласит:

«По существу в моем предложении обоим правительствам предусматривался не простой арбитраж — позвольте, но все-таки можно это назвать арбитражем или нельзя? — «в том случае, если будет выявлено, что часть I проведена в жизнь не полностью, арбитр или арбитры уполномочивались также на то, чтобы указать сторонам меры, которые следует принять для полного проведения в жизнь предусмотренных в этой части положений». То, о чем говорит здесь г-н Ярринг, может рассматриваться как разбирательство, как посредничество, как присуждение, но это не является арбитражем.

43. Далее в пункте 17 этого доклада говорится:

«В последнем случае также предусматривалось, что по истечении определенного срока арбитр или арбитры устанавливают, приняты ли рекомендованные меры и выполнена ли часть I резолюции».

44. Таким образом, в докладе, с одной стороны, говорится, что предлагаемая процедура не является обычным арбитражем; так далеко она заходит. Однако, с другой стороны, в нем предлагается, чтобы арбитры или как бы эта группа лиц ни называлась, были наделены полномочиями предписывать меры, производить обследования, решать, выполнялись ли постановления резолюции, устанавливать сроки и предписывать меры, направленные на улучшение положения, — все в целом намного превышает те полномочия, даваемые любому арбитражному суду, которому поручается установить факты.

45. Следующий пункт является единственным местом доклада, где у меня появляется желание выразить несогласие с утверждением г-на Ярринга. Он говорит:

«Зная прежнее отрицательное отношение правительства Индии к арбитражу по кашмирскому вопросу в целом...»

46. Наше отношение к арбитражу по этому вопросу никогда не было отрицательным. Оно является в высшей степени определенным: мы считаем, что этот вопрос арбитражу не подлежит. И я считаю, что по отношению к нам несправедливо утверждать, что он подлежит арбитражу, и в доказательство этого я сошлюсь на весьма авторитетные мнения. (Как вы видите, я оставил между собой и представителем Соединенных Штатов г-ном Лоджем свободное место, ибо мы намерены цитировать целый ряд американских источников.) Я повторяю, что наше мнение по этому вопросу всегда было совершенно определенным: мы никогда не были согласны на арбитраж по этому вопросу. Я сейчас объясню вам, почему. Мы не соглашались на арбитраж совсем не потому, что у нас были против него какие-либо возражения в той области, где он применим.

47. Далее, в пункте 18 доклада, уже после тех слов, которые я цитировал, г-н Ярринг указывает:

«...Я постарался разъяснить ему, что я все не предлагаю меры такого характера» — то есть ничего, что было бы по своей сущности арбитражем, — «а то, что я предлагаю, хотя и называется арбитражем, выразится, по всей вероятности, только лишь в установлении некоторых фактов, которые, по мнению Индии, неоспоримы».

48. Я позволю себе заметить самым почтительным образом, что пункты 17 и 18 примирить между собой нелегко, так как в пункте 17 говорится, что это должен быть не «просто арбитраж» и что лицо, устанавливающее факты, должно будет решить, по какой причине часть I

резолюции остается невыполненной, предписать срок, в который она должна быть выполнена, и вынести решение. Таково содержание пункта 17, предусматривающего нечто большее, чем арбитраж. В пункте же 18 делается шаг назад; в нем говорится, что это, собственно, арбитражем не будет; пусть просто туда кто-нибудь поедет и выяснит, что там происходит. Таким образом, имеется некоторое противоречие, причиной которого является сложность всего данного вопроса в целом, которое само по себе свидетельствует о том, что он не может стать предметом арбитражного решения. Не может быть установлена даже сфера компетенции арбитра.

49. Далее, в пункте 18 доклада г-на Ярринга говорится:

«Кроме того, предложенная мной процедура могла бы привести к улучшению индо-пакистанских отношений в целом, что, как мне кажется, должно быть одобрено как той, так и другой стороной».

Последняя часть этого утверждения совершенно правильна в отношении нашей стороны, но о правильности его первой части следует судить на основании фактов.

50. Утверждают, что это предложение об арбитраже было нам сделано, когда г-н Ярринг приехал в Индию, впрочем, мне этого, быть может, не следует касаться; во всяком случае, очевидно, что нам это предложение было сделано после консультации с Пакистаном, и мы с самого начала пояснили свою позицию в отношении данного предложения. Мы заявили, что не можем быть и речи о нашем согласии на арбитраж по этому вопросу. Мы объяснили также причины занятой нами позиции в данном вопросе. В пункте 19 г-н Ярринг заявляет, что, по мнению правительства Индии,

«...спорные вопросы не могут быть разрешены с помощью арбитража, потому что такого рода процедура была бы несовместимой с суверенитетом княжества Джамму и Кашмир и с правами и обязательствами Индийского Союза в отношении этой территории».

51. Разрешите мне остановиться на вопросе об арбитраже, чтобы подробно рассмотреть его. Обычно арбитраж производится по спорным вопросам; никто не проводит арбитража по таким вопросам, которые являются очевидными. Для каждого, кто приезжал в Индию в это время и проводил там по три недели, было ясно, что против нас велась кампания ненависти. Но нужно ли было для этого даже ездить в Индию? Речь министра иностранных дел Пакистана, произнесенная им на том самом заседании Совета Безопасности, на котором была принята эта резолюция, была полна по отношению к нам угроз применения силы, угроз вторжения на нашу территорию, предсказаний того, что с нами произойдет, когда на нас нападут племена, и других подобных заявлений. Следовательно, не может быть сомнений относительно того, что про-

тив нас велась пропаганда ненависти. Кроме того, в течение последних десяти лет мы на каждом заседании приводили факты и заявляли протесты против этой пропаганды, тогда как Пакистан никогда не заявлял, что мы ведем против него психологическую войну. К чести Пакистана следует признать, что в данном вопросе его правительство придерживалось истины. Таким образом, наше первое положение заключается в том, что никто не проводит арбитраж по совершенно очевидному вопросу.

52. Теперь я перехожу ко второму пункту. Г-н Гуннар Ярринг заявил, что, как это и надлежит, он основывается в этом вопросе на принятых обеими сторонами резолюциях. Однако в резолюциях от 13 августа 1948 года и от 5 января 1949 года предусматривается специальный аппарат для установления фактов. Согласно этим резолюциям, Комиссия должна доложить сторонам в споре, выполнены ли их постановления или нет. Поэтому, если бы правительство Индии согласилось на применение какого бы то ни было другого механизма урегулирования в виде арбитража, посредничества, добрых услуг, собрания для общей молитвы или чего бы то ни было другого, то это означало бы выйти из рамок процедуры, предусмотренной в данных резолюциях. Правительство Индии не намерено принимать на себя по этим вопросам еще какие бы то ни было обязательства сверх тех обязательств, которые уже были приняты. Нас же просили согласиться на процедуру, которая не предусмотрена в постановлениях этих резолюций.

53. В международном праве принято за правило, что если относительно решения споров или каких-либо других вопросов между странами существует определенное соглашение, то общее международное право к этим спорам или разногласиям неприложимо. Это правило в такой же мере обязательно для Пакистана, как и для Соединенного Королевства, Франции и других стран и сторон. Таким образом, установлено, что, когда существует особое соглашение относительно методов разрешения какого-то определенного вопроса, ссылаться на общие положения права нельзя.

54. Такова вторая причина нашего нежелания выходить из рамок этих двух резолюций. Этими резолюциями предусматривается механизм, и, кроме того, мы уже видели, как функционирует этот механизм; как я это сейчас покажу, в различных своих докладах Комиссия для Индии и Пакистана указывала на то, что военный потенциал Пакистана увеличился, что во взаимоотношениях между двумя сторонами не была установлена необходимая атмосфера и т. д. Итак, Комиссия уже установила факты, связанные с этим вопросом. Мы позволили себе утверждать, что эти факты с полной очевидностью вытекают из письменных документов Комиссии, из того, что стало известно в Индии на основании заявлений, сделанных в Совете Безопасности, из содержания сообщений всей пакистанской прессы

и из заявлений, которые делаются пакистанскими должностными лицами, занимающими ответственные посты.

55. Теперь я перехожу к позиции, занимаемой в отношении арбитража государствами — членами Организации Объединенных Наций. Г-н Ярринг указал на то, что арбитраж мог бы повести к улучшению отношений между Индией и Пакистаном. Но мы уже испробовали арбитраж в различных случаях, и наш опыт свидетельствует о том, что арбитраж приводит нас к заколдованному кругу, в котором мы не можем добиться никаких результатов. Если мы делаем уступки, то они рассматриваются другой стороной лишь как основа того, чтобы добиться дальнейших уступок. Я могу добавить, что всем высококомпетентным государственным служащим, получающим подготовку в Индии, приходится сталкиваться с этим.

56. Четвертая причина нашего нежелания согласиться на арбитраж имеет принципиальную основу. В связи с этим разрешите, при всем моем уважении к представителю Соединенного Королевства, указать на то, что мое правительство не соглашается с мнением об арбитраже, которое было выражено Генри Джоном Темпелем, впоследствии ставшим третьим виконтом Пальмерстоном, который в 1846 году занимал пост министра. Его мнения об арбитраже весьма оригинальны, но мы не можем их принять: он жил в эпоху грубых и решительных способов действия. Вот что было сказано по этому поводу:

«Один британский министр иностранных дел заявил в парламенте в 1849 году, что, даже если арбитров можно было бы выбирать по своему усмотрению, арбитраж является весьма опасной для его страны процедурой ввиду того, что зависть к Великобритании, возбуждаемая ее владениями и торговлей, делает подыскание действительно бескорыстных и беспристрастных арбитров весьма затруднительным».

57. Я только что сказал, что я с этой позицией не согласен; я считаю, что в мире есть люди, которых можно было бы пригласить быть арбитрами, и что так это, несомненно, было и в прошлом. Я придерживаюсь, однако, той позиции, которая всего лишь в 1948 году была занята в так называемом деле Интерханделя Соединенными Штатами. Речь шла о разногласиях между швейцарским правительством и правительством Соединенных Штатов по вопросу об одной компании, зарегистрированной в Балтиморе. Имелся зарегистрированный устав этой компании и т. д. С первого взгляда могло казаться, что у швейцарского правительства были весьма серьезные основания требовать арбитража, но правительство Соединенных Штатов твердо придерживалось той позиции, что арбитраж был недопустим, так как дело затрагивало честь и достоинство Соединенных Штатов, а никакой вопрос, касающийся их чести и достоинства, предметом арбитража быть не может. Кроме того, в этом деле

затрагивались некоторые правовые принципы и принципы поведения в соответствии с нормами международного права. Правительство Соединенных Штатов выдвинуло также ту точку зрения, что и помимо вопроса о своей чести и достоинстве ни одно из государств не может быть принуждено без своего на то согласия сделать свой спор с другими государствами предметом посредничества, арбитража или какого-либо другого метода его разрешения.

58. Кроме того, Соединенные Штаты заявили, что дело затрагивает их жизненно важные интересы, а ничто, затрагивающее жизненно важные интересы какого-либо государства, не может быть предметом арбитража. Теперь же, когда мы рассматриваем вопрос о жизненно важных интересах, мы снова вспоминаем высказывание одного авторитетного американца, знаменитого специалиста по международному праву, профессора Хайда. Вот что он сказал:

«Жизненно важные интересы» — это термин дипломатический, а не юридический. В законах понятие жизненно важных интересов не встречается; в законах имеются только интересы, признаваемые правом. Сколь бы ни был употребителен термин «жизненно важные интересы» в дипломатических отношениях, никакого специального юридического значения он не имеет. Не подлежит сомнению, что в соглашениях об арбитраже этот термин употребляется в целях полного исключения из числа споров, подлежащих арбитражу, тех споров, которые касаются вопросов, представляющих исключительно важное национальное значение», а что может быть важнее для нас, чем территориальная неприкосновенность нашей страны и нарушение ее пределов соседним государством? — «К этой категории могут принадлежать вопросы, которые, по-видимому, затрагивают политическую сторону, независимо от того, могут ли они по своей сущности быть урегулированы путем арбитража или нет».

Имеется еще и другой пример — пример спора между правительством Соединенных Штатов и правительством Колумбии, но хотя и он может способствовать доказательству правильности моей точки зрения, я его приводить не буду.

59. В деле Интерханделя Соединенные Штаты обобщили свою позицию следующим образом:

«Если предмет спора совершенно ясен и в нем нет никаких неясностей» — а в интересующем нас споре положение именно таково — «и если формулировка позиций, занимаемых правительствами, именно такое впечатление и производит, то использование примирительных методов оказаться эффективным не может».

60. Имеются еще и другие причины, в силу которых применение арбитража в настоящем деле недопустимо. Согласившись на арбитраж по этому делу, мы допустили бы, чтобы вопросы, касающиеся суверенитета нашей страны, разрешались арбитрами, очень мало знающими Индию

и, что еще хуже, выносящими арбитражные решения по вопросам, не допускающим арбитража.

61. В соответствии с международной практикой, признаваемой многими представленными в Совете Безопасности странами, как, например, Соединенными Штатами, Австралией, Швецией и Францией, а также многими другими странами, не представленными в Совете, как, например, Норвегией, арбитражу могут подлежать только юридические вопросы. Ввиду постановлений, относящихся к выполнению частей I и II резолюции, принятой Комиссией ООН для Индии и Пакистана 13 августа 1948 года, заинтересованное государство не может, в силу существования вышеупомянутой практики, согласиться на передачу этого вопроса на арбитражное решение. Это наше главное положение, на которое я уже ссылался раньше. То, что г-н Ярринг предлагает в пункте 17 своего доклада, является арбитражем, то есть назначением арбитра, хотя в пункте 18 этот арбитр и называется лицом, на которое будет возложено всего лишь установление фактов. Для осуществления арбитража назначается даже предельный срок. История международного права — а я внимательно изучил этот вопрос — не знает случая, чтобы такое важное и столь непосредственно связанное с целостностью страны дело величайшей сложности было передано на арбитраж.

62. По-моему, хорошее определение арбитража содержится в общем договоре о межамериканском арбитраже (1929 год). В нем ясно устанавливается очевидное для всех положение: арбитраж является просто способом юридического урегулирования вопроса. Разница между арбитражной и судебной процедурой заключается лишь в том, что арбитражная процедура менее формальна. Как указывается в этом договоре, арбитражу может подлежать только дело, поддающееся судебному решению. Тот же самый принцип вытекает и из прений, предшествовавших заключению Гаагских конвенций 1899 года и 1907 года, когда при обсуждении международного арбитража было заявлено:

«Будучи методом разрешения международных споров путем применения правовых норм, то есть подлинным правовым институтом, регулирующим отношения между государствами, арбитраж является юридическим орудием упреждения мира и содействия прогрессу, так как он эффективным образом санкционирует существующее право и путем создания правовых норм содействует выработке права будущего».

63. Я зачитал приведенную выше выдержку в качестве иллюстрации того, что арбитраж возможен только при наличии правил. Если речь идет о юридическом вопросе, то устанавливаются правила и только после этого можно приступить к арбитражу. В противном случае это был бы не арбитраж, а азартная игра. Если Совет Безопасности решит обсуждать этот вопрос далее, то мое правительство намерено подробно изложить

свое мнение, относящееся к нему. Нельзя считать, что данное правительство занимает отрицательную позицию или отказывается от сотрудничества только на том основании, что фраза об арбитраже звучит хорошо, а это правительство по весьма веским и серьезным историческим причинам от него отказывается. В данном случае применение арбитража противоречило бы правовым нормам и всем принципам международного права.

64. Кроме того, применение арбитража оторвало бы вопрос от того контекста, с которым он связан. Мы явились в Совет Безопасности на основании статьи VI Устава Организации Объединенных Наций. Мы явились сюда не для того, чтобы спрашивать у Совета, кто имеет права на Кашмир. Устав не дает Совету полномочий решать какие бы то ни было юридические или политические вопросы. Мы пришли сюда для примирения, для того чтобы осудить агрессию. Обсуждаемый нами вопрос находится на рассмотрении Совета не на основании какого-то иного раздела Устава, да и никакой другой раздел Устава не предусматривает присуждение спорной территории или вынесение решения по правовым вопросам. Следовательно, ввиду того что этот вопрос касается нашего суверенитета, нашей чести, неприкосновенности нашей территории, наших жизненно важных интересов, а также связан с необходимостью выйти за пределы тех обязательств, которые мы уже на себя приняли, или, иными словами, вступить на путь, который по нашему опыту отношений в прошлом с другой стороной никаких положительных результатов не дал бы и, кроме того, ввиду того что арбитраж используется лишь как способ запутать весь вопрос и вызвать в Кашмире без всякого на то основания осложнения,— ввиду всего упомянутого выше мы, к сожалению, не можем принять предложение г-на Ярринга. Мы не можем это предложение принять, и мы считаем вопрос исчерпанным. Такова наша позиция, ибо основным условием арбитража является согласие на него обеих сторон. Если одна из сторон не согласна, арбитража быть не может.

65. Вопрос об арбитраже поднимается сейчас не в первый раз. Начиная с 1950 года он неоднократно возбуждается перед Советом Безопасности. Его возбуждала Комиссия, возбуждал ряд лиц, и мы всегда давали на это один и тот же ответ. Ибо такова наша позиция в вопросе об арбитраже.

66. На этом пока, если только не будут выдвинуты никаких новых вопросов, заканчиваются наши замечания относительно доклада г-на Ярринга, за исключением лишь пунктов 20—22, в которых автор этого доклада, не потому что мы его на это наталкивали, а лишь под влиянием оценки положения в свете происходящего в Совете Безопасности обсуждения, заявляет:

«Ознакомившись с интересующей нас проблемой в течение только что закончившегося периода, я не могу не отметить беспокойства в

связи с изменением политических, экономических и стратегических факторов, имеющих отношение ко всему кашмирскому вопросу, а также в связи с изменяющимся характером соотношения сил в Западной и Южной Азии» (S/3821, пункт 20).

67. В целях избежания еще большего затруднения решения данного вопроса мое правительство не намерено осложнять его внесением других соображений международного характера и других вопросов. Однако я должен отметить, что в приведенных мною словах заключается большое значение и что это один из главных доводов, которые мы приводили Совету Безопасности в ходе предыдущих обсуждений данного вопроса. Хотя мы никогда этого довода особенно подробно не развивали, совершенно очевидно, что условия изменились и нет необходимости приводить в связи с этим правовые доктрины, для того чтобы доказать, что со времени древних неписаных международных обычаев, когда у мореплавателей, плававших по морям, не было писаных законов, а были только обычаи, общепринято было, что все обязательства, включая даже договорные обязательства, обуславливаются изменением существующих условий. Перемена условий всегда принимается во внимание.

68. В связи с пунктом 21 я привел Совету Безопасности на предыдущих заседаниях большое количество примеров: подобные средства улучшения положения предлагались уже и раньше, но они дали положительные результаты лишь в одном случае, о чем можно сожалеть, так как благоприятный для их применения момент прошел.

69. Поскольку дело касается нас — а я могу говорить лишь об этом,— мы испытываем удовлетворение в связи с тем, что в докладе г-на Ярринга признается, что мы проявили дух сотрудничества и что мы всегда заявляли ему, что мы готовы поддержать стремления, направленные на решение любого вопроса мирным путем, посредством переговоров. Но суверенитет и единство страны, ее неприкосновенность и безопасность при существующем положении обсуждению не подлежат. Напомнив недавно сделанные мною оговорки о том, что мы можем еще возвратиться к этому вопросу, если в результате его обсуждения в Совете Безопасности будут подняты какие-либо другие вопросы или если мы истолковали доклад г-на Ярринга в каком-либо отношении неверно, что всегда может случиться,— сделав эту оговорку, я хочу добавить, что мы всегда готовы выслушать приводимые нам доводы.

70. Теперь я перехожу ко второй части того заявления, которое я хотел сделать. Я хотел его закончить на этом же заседании, но мне это, пожалуй, не удастся. К моему глубокому сожалению, вторая часть моего сегодняшнего выступления касается ложных утверждений и заявлений, сделанных моим коллегой, представителем Пакистана. Я хочу заверить вас, г-н Председатель, что я не намерен пользоваться теми выражениями, какими пользовался он. Для Совета

Безопасности необычно, чтобы два государства, поддерживающие между собой дипломатические отношения, являющиеся братскими государствами в Британском содружестве наций, и при этом государства, граждане которых были всего десять лет тому назад гражданами одной и той же страны, обвиняли друг друга в недобросовестности и нечестности, в лицемерии и даже просто в неблагоприятных поступках. Мы не отвечаем тем же Пакистану, и я думаю, что в душе члены пакистанской делегации признают это.

71. Мы об этом искренне сожалеем, так как я читал в индийских газетах о том, какое огорчение вызвали те выражения, которыми пользовался г-н Нун, в некоторых кругах, какое негодование они возбудили в Индии вообще. Это нас глубоко огорчает, так как мы ни в коем случае не хотели бы дальше осложнять наши отношения с Пакистаном, даже если речь идет о Кашмире. Нам приходится жить вместе на одном и том же континенте!

72. Первое обвинение в недобросовестности, выдвинутое Пакистаном против индийского правительства, заключается в том, будто бы последнее с самого момента назначения Комиссии прибегло к тактике, рассчитанной на уклонение от плебисцита. Однако министр иностранных дел Пакистана сам заявляет, что до 1953 года, пока мы обсуждали различные цифры и рассматривали различные проблемы подобного рода, никаких препятствий к плебисциту, помимо вопроса определения соотношения сил, не было; иными словами, что Индия была готова выполнить свои обязательства при условии, что все необходимые для этого условия будут также выполняться. Таким образом, то, что мы делали в интересах нашей страны и в интересах истины и в порядке выполнения соответствующих резолюций, никак не может быть истолковано, что мы поступаем нечестно. Если бы мы хотели избежать проведения плебисцита на условиях, о которых шла речь, то у нас не было бы необходимости делать это окольными путями. В конце концов может же суверенное государство проводить или не проводить некоторые мероприятия, и его простые действия в этом отношении не являются основанием для того, чтобы подвергать беспокойству всех членов Совета Безопасности. В течение всех предыдущих лет мы участвовали во многих конференциях и согласились на ряд уступок. Кроме того, когда принималась резолюция от 13 августа 1948 года, не было и речи о том, чтобы на территории, находящейся в настоящее время под пакистанской оккупацией, оставалось какое-то количество войск. Со всей этой территории войска должны были быть выведены.

73. Нам было заявлено:

«Отклонение предложения об арбитраже не только в отношении будущего Кашмира, но даже и для разрешения более ограниченного вопроса о выполнении в прошлом или в настоящем существующего соглашения ясно свиде-

тельствует о недобросовестной позиции Индии» (791-е заседание, пункт 40).

Кажется, лорду Актону принадлежат слова: «Мысли человека, так же как и мотивы поступков наций, не могут быть судимы». Я глубоко огорчен тем, что в присутствии всех членов Совета и не вызвав какого бы то ни было протеста, это обвинение в нечестности могло быть брошено стране, которая прилагает все свои усилия к тому, чтобы выполнять свои международные обязательства, несмотря на налагаемое ими на нее тяжелое бремя.

74. В этом заявлении говорится далее:

«Когда я сравниваю эти неискренние заявления о верности международным соглашениям с постоянным к ним пренебрежением на практике, которое позволяет себе ответственное правительство, я испытываю полное недоумение» (там же, пункт 42).

И в этом случае я не намерен вступать в риторический поединок с другим государством — поединок, который мог бы вызвать лишь раздражение и ничего больше. За правительство Индии говорят его действия; оно выполняет свои международные обязательства и, кроме того, несет на себе более тяжелое международное бремя, чем многие другие государства. Мы не нарушили никакого международного обязательства. Нарушение было совершено Пакистаном, и если бы это было только нарушением, особой беды в этом не было бы, но нарушение явилось результатом сокрытия Пакистаном некоторых фактов. Я утверждаю, что никакая страна, которая скрывает факты от Совета Безопасности и вводит его в заблуждение представлением ложных сведений, не имеет права просить об удовлетворении ее притязаний. Каким образом возник этот вопрос? Мы явились в Совет Безопасности и заявили, что наша территория подверглась нападению. На это Пакистан ответил: «Наших войск там нет». По сообщению Комиссии, в июне, возможно, чуть раньше или позже, пакистанский министр иностранных дел заявил: «Мы послали туда войска для защиты нашей восточной границы и для того, чтобы предотвратить нападение на Пенджаб извне». Комиссия впервые услышала об этом.

75. Но войска находились там уже до назначения Комиссии. Они были там, когда жалоба была передана в Совет. Они находились там, когда пакистанский министр иностранных дел или другой представитель Пакистана отрицали их наличие в этом районе. С одной стороны, нам заявляют, что в соответствии с занятой Пакистаном позицией его войска находятся там по праву, а с другой стороны, нам заявляют, что их там вовсе нет. Вот страна, которая скрыла таким путем факты и этим сокрытием исказила всю проблему. В первом случае налицо было признание агрессии или присвоение себе права послать в Кашмир войска. Но у Пакистана не было оснований утверждать, что он имеет право посылать туда свои вооруженные силы. Мне известно, что г-н

Джинна отдал приказ своему британскому главнокомандующему начать против нас военные действия. У последнего, однако, оказалось достаточно здравого смысла, чтобы этого не делать.

76. Мы глубоко сожалеем по поводу другого сделанного г-ном Нуном заявления:

«Народ Кашмира лишают обещанных ему Советом Безопасности плодов свободы из-за того, что Индии непрерывно позволяют нарушать подписанные ею соглашения» (791-е заседание, пункт 46).

Кого лишают плодов свободы? В Кашмире дважды были проведены выборы, последние имели место всего несколько месяцев назад. Легко, не приводя никаких фактов, говорить о полицейском государстве, об инсценированных выборах и еще о чем угодно. Но выборы проводятся в Индии согласно постановлениям и условиям, которые сделали бы честь любой стране.

77. Каковы факты? Княжество Джамму и Кашмир состоит из двух провинций. От Джамму выбирается тридцать депутатов и от Кашмира — сорок пять. Борьба велась за тридцать два места из семидесяти пяти. Двадцать восемь из этих тридцати двух мест завоевала победившая партия. За сорок три места борьбы не велось. Кандидатов от других партий на двадцать одно место выставлено не было. Кандидаты Всеобщей национальной конференции Джамму и Кашмира служат своим избирателям много лет, и ни у какого другого кандидата шансов там победить нет. В десяти избирательных округах представители оппозиционных партий сняли свою кандидатуру. При таких условиях никакая конституционная партия не станет создавать себе искусственной оппозиции и инсценировать комедию «борьбы с ней». В двенадцати случаях избирательные комиссии отказались принять заявления от лиц, желавших выставить свою кандидатуру, потому что эти лица либо не достигли определенного возраста, либо не отвечали тем или иным из установленных конституцией требований.

78. Но сказать, что за ряд мест шла борьба, недостаточно. Хотя кандидаты Национальной конференции и одержали победу, добившись двадцати восьми мест из тридцати двух, победа эта им стоила серьезных усилий. Я не хочу утомлять Совет цифрами, но они у меня есть. Эти цифры — то есть цифры поданных голосов — показывают, что кандидаты Национальной конференции победили лишь незначительным большинством. Были случаи весьма упорной предвыборной борьбы, а также имели место разногласия по вопросу избирательной процедуры, который разрешался избирательным трибуналом. Итак, в Кашмире имела место избирательная борьба, в Кашмире есть ряд оппозиционных партий, там существует свободная печать; кроме того, в прошлом году в Кашмире печатало 70 тысяч туристов, из которых 7 тысяч — неиндийского происхождения. Изолировать такую страну, как Кашмир, просто невозможно.

79. Таким образом, обвинение в том, что мы лишили кого-либо свободы, не выдерживает критики. Свобода отсутствует на другой стороне, где выборов не бывает, где свободы нет, где нет свободной печати и где большее число людей находится в тюрьмах. На нашей стороне Кашмира двадцать три человека содержатся под арестом на основании законов о государственной безопасности. Их не держат долго, и я надеюсь, что вскоре они будут освобождены все. Мы никогда из этого не делали секрета, и они были заключены главным образом по соображениям государственной безопасности. В нашей стране нет полицейского режима, в то время как во всем Пакистане всеобщие выборы не проводились и в оккупированной Пакистаном части Кашмира не существует никакой свободы слова.

80. Кто препятствует народу этой части Кашмира участвовать в выборах? Для его представителей есть места в парламенте Джамму и Кашмира, правительство которого является единственным суверенным органом, признаваемым Советом Безопасности. Но этот народ не имеет возможности бороться за места в парламенте в силу того, что он находится под оккупацией. Следовательно, угнетающей стороной являемся не мы, а та другая сторона. Мы не лишаем население Кашмира плодов свободы. Плоды свободы можно наблюдать в той части Кашмира, где может функционировать свободное правительство, где население может иметь блага, вытекающие из принадлежности Кашмира к Индийскому Союзу. Эти блага обеспечиваются в результате выполнения пятилетнего плана, экономического развития, увеличения снабжения пищевыми продуктами и улучшения системы орошения, улучшения системы образования, строительства университетов, школ и колледжей и включения все большего числа людей в сферу социального обслуживания. В нашей части княжества нет безработицы, и поэтому каждый, кто посещает Кашмир, видит плоды свободы.

81. Но в противоположность этому в Азад-Кашмире за последние три года было закрыто пятнадцать газет, поступление ряда других газет было запрещено и введена полицейская цензура. К подвергающимся наказанию не предъявляется никакого обвинения, их дела не разбираются в суде и принимаемые решения не обосновываются соответствующими статьями закона, обычного или чрезвычайного. Случись это в Пакистане, там принятые таким образом решения можно было бы опротестовывать в суде. А в Азад-Кашмире это сделать невозможно, так как Азад-Кашмир не является частью Пакистана. В Азад-Кашмире нет законодательного органа; никто не может критиковать правительство; там несколько раз происходили перемены, и каждый раз, когда марионеточный администратор оказывался неугодным, его отстраняли и на его место назначали другого.

82. У нас есть ряд заявлений, сделанных достойными людьми, занимавшими в Азад-Кашмире

ответственное положение. Некоторые из них бежали от преследования; двое из них бежали потому, что они осмелились говорить с двумя членами британского парламента, которые открыто поддерживают Пакистан. Они и в Индии продолжают говорить правду. Некоторое время спустя мы разрешили им остаться в Индии. Чтобы не утомлять членов Совета Безопасности, я не буду зачитывать эти заявления. Мы же никого свободы не лишаем.

83. Теперь мы перейдем к существу самого вопроса, то есть вопроса, касающегося текущего положения. Нам предъявляется еще одно очень серьезное обвинение — в подготовке нами военной авантюры. Стараются создать впечатление, будто мы вооружаемся против Пакистана. В действительности мы не могли бы вооружаться против Пакистана, даже если бы мы хотели, так как он является членом крупного военного союза. Эта авантюра не встретила бы поддержку общественного мнения в Индии, а индийский парламент не дал бы согласие на военную авантюру крупного масштаба. Индийский парламент содержит свою армию в более или менее хороших условиях.

84. Нам говорят, что расходы Индии на оборону равны 140 процентам расходов Пакистана (791-е заседание, пункт 45). К счастью, Организация Объединенных Наций публикует эти цифры. Бюджет Пакистана на 1957/58 год — то есть капитальные затраты и текущие расходы — составляет 3500 миллионов пакистанских рупий, или около 700 миллионов долларов. Расходы Пакистана на оборону составляют 1120 миллионов рупий, или 224 миллиона долларов. Таковы общие расходы Пакистана на оборону. К этому, однако, следует добавить помощь Соединенных Штатов. А судя по заявлениям представителей пакистанского правительства, эта помощь составила сумму, равную 40 процентам пакистанского бюджета.

85. Если принять во внимание указанные цифры, то можно сказать, что общая сумма пакистанских расходов на оборону намного превышает расходы Индии. Расходы на оборону Индии в текущем году, превосходящие расходы прошлого года ввиду пополнения, составляют 2520 миллионов рупий, или 504 миллиона долларов. Общие расходы на оборону составляют 38 процентов нашего национального бюджета, если в него не включать расходов на железнодорожный транспорт. Если же включить в национальный бюджет железнодорожный бюджет, то окажется, что расходы на оборону — это всего 29 процентов в национальном бюджете, ибо расходы по железнодорожному бюджету составляют 10 процентов национальных расходов, включая расходы в княжестве Джамму и Кашмир.

86. Страна, превосходящая по площади Пакистан в пять раз и имеющая население в пять раз больше населения Пакистана, имеет армию относительно меньшую, чем Пакистан. Наши расходы на оборону несравнимы с расходами Паки-

стана. Судя по последним цифрам, которые я видел, военная помощь Соединенных Штатов Пакистану составила за период с января по июнь 1956 года 97 миллионов долларов. Во всяком случае, Пакистан заявил о том, что эта помощь составляет 40 процентов их собственного бюджета. Если этим цифрам верить, то расходы Пакистана по сравнению с нашими стали значительно выше.

87. Поэтому общие военные расходы Пакистана плюс выплаты натурой, которые трудно учесть, поскольку речь идет о военной помощи, гораздо выше военных расходов Индии. В функции Совета Безопасности, а возможно и Комиссии по разоружению, не входит рассмотрение вопроса об относительном вооружении этих стран, исключая вопрос, который можно сформулировать следующим образом: готовится ли Индия к войне или угрожает ли Индия какой-либо другой стране. Такая огромная страна, как Индия, которая имеет небольшую армию и такие средства сообщения, какие у нас есть, и которой приходится уделять внимание развитию сельских районов — на этом сосредоточено наше главное внимание, не на международных или военных вопросах, — не может позволить себе ни готовиться к войне, ни угрожать кому-либо.

88. Это снова приводит нас к вопросу относительно раздела В части I резолюции от 13 августа 1948 года. Я утверждал, что раздел В этой резолюции Пакистаном не выполняется. Я хотел бы, чтобы Совет Безопасности рассмотрел затронутую проблему, так как она является частью находящихся на рассмотрении Совета документов.

89. Когда Комиссия принимала эти резолюции и затем сообщила нам о них, ей не было известно о существовании вооруженных сил Азад-Кашмира. Комиссия заверила нас, что правительство Азад-Кашмира не может быть признано. Речь может идти лишь о местных властях. На территории, эвакуированной Пакистаном, не должно было быть никаких вооруженных отрядов. Во время принятия этой резолюции Пакистан отрицал самый факт существования многочисленной армии. Комиссия заявила, что если бы она знала о существовании этих армий в Азад-Кашмире, то она заняла бы иную позицию в этом вопросе. Действительно, Комиссия далее заявляет:

«Нет никакого сомнения в том, что вооруженные силы Азад-Кашмира в настоящее время представляют такую силу, которая меняет военное положение и тем самым еще больше затрудняет решение вопроса о выводе вооруженных сил, в частности вооруженных сил Индии, в рамках той структуры, которая принимает во внимание только регулярные вооруженные силы обеих армий»³.

³ Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430, пункт 225.

90. Думать, что эти силы Азада являются просто каким-то собранием бойскаутов в военной форме или чем-то в этом роде, было бы серьезной ошибкой. В действительности они равноценны авангардным войскам пакистанской армии. Благодаря иностранной помощи они имели возможность заменить значительную часть старого британского снаряжения новым.

91. Вооруженные силы Азад-Кашмира, насчитывающие прежде тридцать пять батальонов, теперь сведенных в двадцать батальонов—у меня здесь имеются все относящиеся к ним данные,—имеют в своем составе артиллерийские и бронетанковые батальоны различных типов. Это понастоящему первоклассные войска. Сам премьер-министр Пакистана дал им весьма высокую оценку. Сведение тридцати пяти батальонов Азада в двадцать было в действительности не сокращением этих сил, а их реорганизацией. Эти силы созданы в нарушение резолюции; иными словами, резолюция принята в связи с тем, что территория Индии подверглась вторжению и что пакистанские вооруженные силы должны были быть выведены с этой территории. Говоря о пакистанских вооруженных силах, резолюция имеет в виду не только армию, но и любые пакистанские регулярные и нерегулярные силы и пакистанских граждан вообще. Это относительно Азад-Кашмира.

92. Совет Безопасности много слышал об Азад-Кашмире, расположенном близ Пенджабского района Кашмира. Это густонаселенная часть страны. Но есть еще и другая часть Кашмира, оккупированная Пакистаном. Она известна под названием «северные районы». Здесь создаются новые летные поля, прокладываются новые дороги и ведутся различного вида военные приготовления.

93. Этот вопрос был поднят председателем Комиссии г-ном Лосано. В то время Комиссия считала, что Пакистан не имеет над этим районом никакой власти. Там не было пакистанских войск, и, следовательно, Комиссия считала, что этот вопрос можно обсудить позже. Но вопрос о суверенитете Индии над указанными районами никогда не ставился под сомнение.

94. В то время Пакистан не имел армии в северных районах—ни в Гилгите, ни в Балтистане. Сейчас во всей северо-западной части, включая Читрал, находятся северные войска, части гилгитских разведчиков, нерегулярные части различных типов—словом, вся эта территория очень хорошо военизирована.

95. Нет никаких конституционных или юридических оснований, которые могли бы оправдать принадлежность этой территории к Пакистану. В отношении Азад-Кашмира министр иностранных дел Пакистана заявил, что действие статьи 203 пакистанской конституции на него не распространяется (791-е заседание, пункт 59). Совет Безопасности, конечно, не суд; в противном случае я мог бы доказывать обратное. Но, поскольку

дело касается северных районов, это никогда не опровергалось. Кроме того, сэр Оуэн Диксон, которого в чрезмерной симпатии по отношению к Индии заподозрить нельзя, заявил, что в этих районах вся администрация была назначена Пакистаном, и о том, что это было иначе, никто никогда и не утверждал.

96. Таким образом, действуя вопреки всем своим обязательствам, за спиной Совета Безопасности и поправ все требования честности и международного права, Пакистан создал армию, присоединил к себе указанные территории и—мы должны заявить об этом с величайшим сожалением—официально принял их обращение о присоединении, переданное местным командиром, который не был ни кашмирцем и ни индийцем, а просто возглавлял гилгитских разведчиков. Это был военный авантюрист, который поспешил объявить о присоединении. Но это присоединение нельзя считать официальным присоединением, так как Гилгит княжеством не является. Единственное существующее в этом районе княжество—это княжество Джамму и Кашмир.

97. В настоящее время во всех этих оккупированных Пакистаном районах находится многочисленная армия. Аэродромы оснащены различного вида военными установками. Это не ответ, заявить, что Пакистан намерен вывести оттуда военные части, недостаточно, ибо и после вывода этих частей останутся аэродромы, на строительство которых Пакистан разрешения не имел, ибо все, что территории разрешалось иметь,—это местные власти. Поэтому в связи с увеличением военного потенциала мы не только говорим, но мы категорически заявляем, что огромное увеличение военного потенциала в Азад-Кашмире представляет собой угрозу не только той части Кашмира, которая пока еще находится под нашим суверенитетом, но и для всей Индии в целом. Речь идет о наших границах, и мы серьезно должны относиться к этому вопросу. В Азад-Кашмире находятся двадцать батальонов, ранее тридцать пять батальонов, снабженных новейшим вооружением, включая и новейшее противотанковое оружие, которым снабжается пакистанская армия. У меня нет желания подробно останавливаться на этом вопросе.

98. Говоря о военной стороне вопроса, я хочу заверить представителя Соединенных Штатов, что правительство Индии принимает заверение Соединенных Штатов о том, что оказываемая Пакистану военная помощь не предназначена для враждебных действий против Индии и не оказывает влияния на индо-пакистанские отношения. Когда речь идет о правительстве, оказывающем помощь, мы полностью принимаем это заверение. Но, с другой стороны, когда дело касается правительства, получающего помощь, мы принять это заверение не можем, так как в многочисленных заявлениях как теперешнего, так и предыдущего премьер-министра и других государственных деятелей Пакистана, в которых говорится в определенной и категорической форме, что уча-

стиё Пакистана в Багдадском пакте и в других военных соглашениях, а также помощь, обещанная ему Турцией против Индии, равно как и соглашения между Ираком, Турцией и Пакистаном, направлены против Индии. Вот что заявил один из предыдущих премьер-министров Пакистана Чоудри Мохаммед Али:

«Надежда на такое разрешение кашмирского спора, какое угодно Пакистану, путем усиления военной мощи в результате присоединения к Багдадскому пакту и к Организации договора Юго-Восточной Азии (SEATO), является подлинной причиной того, что Пакистан продолжает оставаться в числе членов этих пактов».

Таким образом, здесь нет никакой двусмысленности. Я никоим образом не хочу поставить под сомнение мотивы, побудившие другие государства к заключению Багдадского пакта; в конце концов есть договор, то есть две стороны, у них должно быть какое-то общее намерение, даже если каждая из сторон и заключила его согласно своим собственным мотивам.

99. В декабре 1956 года теперешний премьер-министр Пакистана заявил, что Пакистан

«будет продолжать искать как военных, так и других союзников до тех пор, пока будет существовать со стороны Индии хотя бы малейшая угроза безопасности и территориальной неприкосновенности Пакистана».

100. И это говорится о стране, которая в течение ряда лет обращается к Пакистану с призывами объявить войну незаконным средствам разрешения между ними споров и которая, кроме того, остановила свою победоносную армию по просьбе Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана на линии прекращения огня, чтобы положить конец кровопролитию. И эту страну обвиняют в совершении недобросовестных действий.

101. Защищая Багдадский пакт, премьер-министр Пакистана заявил:

«Даже в том случае, если шансы нападения со стороны Индии равны пяти процентам, мое дело позаботиться о том, чтобы наша армия была достаточно сильной, чтобы свести эти пять процентов к нулю».

Нет возражений против того, чтобы Пакистан защищался от Индии или от кого бы то ни было, но в действительности определенные заявления ясно говорят о том, что Пакистан присоединился к указанным оборонительным пактам с враждебной в отношении Индии целью, а не с той целью, которую преследовали другие стороны, присоединяясь к пактам с добрыми или злыми намерениями.

102. В этом году премьер-министр Пакистана заявил:

«Случалось ли вам когда-либо слышать такое откровенное заявление о Кашмире, какое

было сделано премьер-министром Турции? Было ли у Пакистана когда-либо прежде в течение всего этого спора такое число поддерживающих его друзей, какое вы имеете сейчас в Турции, Ираке и Иране?».

При всем моем уважении к Совету Безопасности я должен указать на то, что это — результат сравнительно мягкой позиции, занятой Советом по отношению к агрессии и угрозе миру в этой части мира и по отношению к призывам к агрессии. Эта позиция дает основание агрессорам считать, что их поддерживает значительная часть международного общественного мнения.

103. Выступая на публичном собрании 3 марта 1957 года, премьер-министр Пакистана снова заявил:

«Багдадский пакт — это оборонительная организация, членами которой являются Пакистан, Иран, Ирак, Турция и Великобритания, это организация, которая является подлинным источником силы».

Это — слова, ставящие Соединенное Королевство в весьма неудобное положение.

«В соответствии с положениями этого пакта другие его участники должны прийти на помощь Пакистану».

Народ понял, что премьер-министр хотел этим сказать.

104. Затем 26 марта 1956 года министр иностранных дел заявил в национальном собрании: «Наиболее существенным достижением Организации стран Юго-Восточной Азии является совместная поддержка ее членами нашей позиции в вопросе о Кашмире».

105. Мы тогда же высказали наше мнение по этому вопросу другим членам Организации договора Юго-Восточной Азии; и если говорить о положениях договора, относящихся к созданию этой организации, то она не имеет никакого отношения к внутренним делам Индии или к вопросам об агрессии против территории Индии, так как Индия не является членом этих оборонительных пактов и не принимала их. Я думаю, что министр сделал это заявление об одобрении целей, преследуемых Пакистаном в отношении Кашмира, государствами — участниками Бангкокской конференции только для того, чтобы принять резолюцию. Было сделано несколько ссылок на Кашмир — и это было то, что Пакистану нужно.

106. В основе всех приведенных мною заявлений лежат два мотива: Пакистан желает, во-первых, показать, что он преследует вполне определенные цели, и, во-вторых, втянуть другие государства в свой спор с Индией. Нынешний премьер-министр Пакистана выразил свою благодарность Соединенному Королевству за ту помощь, которую он получил для борьбы против Индии; он надеялся таким образом испортить отношения между Сое-

диненным Королевством и Индией. Но этих попыток недостаточно, чтобы испортить отношения.

107. Теперь я обращаюсь к моему уважаемому другу, сидящему напротив, который говорит нам, что в мире есть всего лишь одно государство, враждебное Пакистану, из-за своей непримиримости в кашмирском вопросе. И это сказал человек, родившийся в пределах бывшей Индии! «Мы не должны забывать враждебной позиции соседнего нам государства, и мы должны найти друзей, которые помогут нам в час агрессии». Здесь речь идет не о самообороне, а о том, чтобы найти государства, которые поддержат Пакистан. Вся его речь была направлена против агрессии, но ведь мы не совершаем агрессии — акт агрессии был совершен против нас, и, кроме того, мы призывали к заключению соглашения о полном отказе от войны.

108. Далее, в октябре 1956 года г-н Хан Нун заявил, что «могущественное, но враждебное нам соседнее государство на деле заставило нас искать себе других друзей». Таким образом, если Соединенные Штаты или Франция считают, что Пакистан присоединился к Багдадскому пакту или вошел в Организацию договора Юго-Восточной Азии по какой-либо другой причине, то вот она причина. Подлинная причина состоит не в том, что Пакистан присоединился к этим соглашениям не ради их непосредственных целей, каковы бы они ни были — благоприятными или неблагоприятными, а в том, что его «заставило искать себе других друзей». Эти «два пакта дали Пакистану возможность обеспечить свою оборону на случай агрессии».

109. Вот еще заявление: «Наш основной долг заключается в том, чтобы укреплять свою оборону, особенно против Индии, независимо от того, что об этом могут сказать другие». Но вопрос о нарушении Индией международной границы между ней и Пакистаном не возникал на международной границе; действительно у нас там нет вооруженных сил. У нас там имеются всего незначительное число вооруженных полицейских, которые при нормальных условиях могут предотвращать пограничные инциденты; имели место один или два случая, когда Пакистан, пытаясь переправить военную силу в нашу страну, понес при этом значительные потери. Мы войны не ищем; как я уже сказал, мы думаем прежде всего о развитии сельских районов Индии. А вот еще заявление: «Выход Пакистана из числа участников Багдадского пакта, являющегося орудием нашей обороны против Индии, подобен самоубийству, и мы не согласимся пойти на это». Такова истинная природа Багдадского пакта в глазах Пакистана.

110. Далее я привожу высказывание пакистанского посланника в Сирии — ради справедливости я должен сказать, что его высказывание было дезавуировано его министерством иностранных дел. Он заявил: «Когда Пакистан закончит создание своих вооруженных сил, он вступит в борьбу за освобождение Кашмира». Таковы за-

явления, которые делаются вопреки положениям раздела E части I резолюции от 13 августа 1948 года.

111. Другой видный деятель правительства Пакистана в сентябре этого года заявил: «Пакистан присоединился к Багдадскому пакту только ввиду спора с Индией из-за Кашмира».

112. По этому вопросу имеются интересные высказывания в американской печати — хотя я и не люблю приводить цитаты из сообщений печати по этому вопросу, но это часто теперь в Совете практикуется. Побывавший в Кашмире некоторое время тому назад американец из Чикаго заявил:

«Пакистан вводит Соединенные Штаты в заблуждение. Это следует как из вашего доклада, так и из сделанных мною в Пакистане, где я работал до последнего времени, наблюдений. Пакистан считает, что он оказал нам, американцам, услугу, войдя в Организацию договора Юго-Восточной Азии и присоединившись к Багдадскому пакту. Опасность русской агрессии его не пугает. Пакистанские лидеры просто потакают нам в проявляемых нами опасениях коммунистической экспансии, для того чтобы получать от нас экономическую и военную помощь и усиливать таким образом позицию Пакистана в его взаимоотношениях с Индией»⁴.

113. Другой американец, сотрудник газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» г-н Стил, указывает на то, что Пакистан враждебен Индии, а не Советскому Союзу. Действительно, я рад возможности указать на то, что министр иностранных дел Пакистана неоднократно заявлял, что Пакистан поддерживает с Советским Союзом дипломатические отношения — и это достойно одобрения, — но в то же время питает враждебное отношение к Индии, и в случае ухудшения отношений с Индией Пакистан воспользуется американским военным снаряжением.

114. Турецкая газета «Улус» заявляет: «Пакистан старается использовать в своем споре с Индией Багдадский пакт как козырную карту». У Пакистана спора с Индией нет: он лишь совершил по отношению к Индии акт агрессии; это — не спор.

115. Лондонский журнал «Экономист», едва ли благосклонно относящийся к Индии, заявляет: «Г-н Сухраварди, который считает, что в настоящее время инициатива в кашмирском вопросе находится в его руках», — считать так — его право — «может радоваться тому, что Великобритания среди государств — участников Багдадского пакта опять играет активную роль; принадлежность к этому пакту дает Пакистану возможность торговаться, которой иначе у него не было бы». Некоторые лица пытаются доказать,

⁴ Официальные отчеты Совета Безопасности, двенадцатый год, Дополнение за январь, февраль и март 1957 года, документ S/PV 762/Add.1, приложение II.

что создание таких пактов обосновано статьей 51 Устава; пусть они над этим подумают. Подобные замечания высказывались журналистами и писателями из Новозеландии и Австралии, которые посетили Пакистан и которых нельзя заподозрить в симпатии к нам. В нашей части Кашмира нет организации, которая бы контролировала поездки журналистов по стране; они, наоборот, жалуются на то, что мы недостаточно о них заботимся. Но если бы мы стали о них заботиться, то нашлись бы люди, которые сказали, что мы вместе с этим стараемся оказать на них влияние. Мы просто даем им разрешение на выезд в Кашмир, так же как мы даем разрешение на выезд каждому, кто за ним обращается.

116. Премьер-министр Пакистана заявил также следующее: «Граждане нашей страны могут быть уверены в том, что наши солдаты готовы пойти на крайние меры» — и не только солдаты, я еще буду говорить об этом на дневном заседании — «пойти на крайние меры, чтобы увидеть народ Кашмира освобожденным. Наше дело в Кашмире настолько правое, что каждый наш солдат сможет сражаться против десяти солдат противника». В том, что премьер-министр Пакистана пожелал прихвастнуть, особой беды нет, но ведь это, по-видимому, является изложением политики правительства.

117. Г-н Сухраварди заявил также: «Вопрос Кашмира является для Пакистана вопросом жизни или смерти», а ведь многие отрицают, что Пакистан совершил акт агрессии. «Кашмир будет нашим или мы погибнем». А в мае 1957 года в Бангкоке он заявил: «Кашмир является и должен быть частью Пакистана, и так в конечном счете вопрос будет решен». В Совете Безопасности представители Пакистана не делают таких заявлений.

118. Много говорилось о том, что акт присоединения Кашмира к Индийскому Союзу на основании соглашения с Соединенным Королевством, сторонами которого являемся мы и Пакистан, признан согласно международному праву, хотя Пакистан этот акт не признает. Акт о присоединении признания Пакистана и не требует. Акт присоединения считается состоявшимся, если он был совершен главой княжества. Именно этим обстоятельством вызвано столько толков о праве народов на самоопределение. Об этом я буду говорить несколько позже.

119. Теперь я приведу завуалированные угрозы, которые делаются теперешним министром иностранных дел Пакистана. Вот они:

«Среди кашмирских беженцев раздается общее требование о том, чтобы организовать мирное движение с целью перехода линии прекращения огня и с целью начать в пределах княжества массовое движение, для того чтобы делиться для кашмирцев права на самоопределение...

Горцы обнаруживают поразительную выдержку, но чаша их терпения переполняется... Их нельзя больше кормить одними обещаниями».

Это не подлежит сомнению; для поддержания спокойствия необходимо принимать какие-то меры.

«Индия избрала путь, который направлен не к миру и счастью народов и который может привести к войне между этими двумя странами». — Мы так никогда не заявляли. — «Пакистан не хочет в Кашмире никакой смуты; в противном случае вызвать ее там было бы очень легко».

120. На кашмирском горизонте есть такой господин, который именуется Тариком, он присвоил себе звание генерала пакистанской армии. Это был, так сказать, генерал без генеральской формы, он руководил вторжением в самом начале. Мои соотечественники его знают — они были в той же армии, что и он, они говорили друг с другом. Он хорошо образован и говорит не без акцента. Однако у него произошли неприятности. Он был предан суду и осужден за государственную измену или за что-то в этом роде. Теперь он свободен и стал крупным политическим лидером. Он печатает политические воззвания. Я не намерен их распространять, так как я не собираюсь пропагандировать их. Идея этих воззваний заключается в следующем: необходимо осуществить инфильтрацию в Индии, а также акты саботажа и вредительства, о чем я еще буду говорить позже. Создаются политические партии, которым пакистанское правительство не будет мешать действовать так, как они сочтут это необходимым. Но подлинный перл этой программы заключается в следующем: «Мы должны спровоцировать Индию и тем самым получить возможность сказать миру, что акт агрессии совершила она». Иными словами, наша страна имеет только солдат, носящих военную форму; у нас нет «нерегулярных» войск; если нам приходится оказывать сопротивление, это должны делать наши регулярные вооруженные силы, и это может быть истолковано так, что агрессия совершена нами.

121. Мы вполне отдаем себе отчет в том, что и мы проявляем в этом вопросе чрезвычайную осторожность и сдержанность. Даже не говоря о том, что у нас есть законное право ликвидировать агрессию» совершенную прежде, на наследит как с нашей собственной, национальной, так и с международной точки зрения серьезная ответственность по предупреждению дальнейшей агрессии. Вся используемая против нас тактика заключается в настоящее время в выдвижении каких-то бывших генералов, не состоящих больше на службе должностных лиц и т. д., для разжигания революции, преследующей бесчестные цели. Но в нашем районе мира никакой революции не произойдет, ибо она не встретит почти никакой поддержки со стороны населения. Им удастся найти какое-то незначительное

число подставных лиц, которым изрядно заплатят за их работу.

122. Кстати, пакистанскому министру иностранных дел может быть интересно узнать, что в руках индийского правительства находится некоторая сумма его денег. Мы перехватили эту сумму при пересылке в Индию, и мы намерены ее удержать.

123. Помимо этой горстки людей это движение не встречает у населения никакой поддержки, и мы не намерены оплачивать им той же монетой. Мы не намерены организовывать движение маки в оккупированных Пакистаном районах. Мы уверены, что само население районов, оккупированных Пакистаном, при помощи Совета Безопасности, на котором лежит большая ответственность за ликвидацию актов агрессии, сбросит иго захватчиков. Вопрос заключается в том, позволит ли Совет Безопасности кому бы то ни было извлечь из агрессии пользу? Каковы бы ни были наши грехи, но самый тяжкий грех — это совершить агрессию. Если Совет ничего не предпримет, ни одна страна в мире не сможет себя чувствовать в безопасности. Мой коллега часто говорит, что мы должны смотреть фактам в лицо. Какие факты он имеет в виду? Факты, являющиеся результатом агрессии, являющиеся фактами, которым смотреть в лицо недостаточно; их необходимо устранить. Такова наша точка зрения.

124. Нам нередко говорят о соотношении сил. Я уже указывал, до каких размеров был увеличен военный потенциал в той части Кашмира, которая оккупирована Пакистаном. Оккупированы также северные районы. Помимо этого имеется 200 тысяч «нерегулярных» солдат, которые до сих пор всегда были готовы оказать свои услуги за обещание добычи или за другие подачки.

125. Я хотел бы, чтобы вы, г-н Председатель, и другие члены Совета Безопасности обратили внимание на существующее в настоящее время положение и на все, что мне придется сказать вам сегодня на дневном заседании в свете того, что произошло десять лет назад. Нам заявляли, что никакого вторжения не было. Говорили, что все дело будто бы в том, что недовольны некоторые из единоверцев пакистанских мусульман, и при этом добавляли: «Каким же образом можно было этому помешать? Ведь мы их не поддерживаем». Вторжение началось с просачивания, взрыва мостов, убийств, вербовки разными способами мятежников и сеяния беспорядков. Затем из Пакистана границу переходят недовольные и авантюристы — ведь иностранные легионы существуют во всех странах, — которых посылают на территорию Индии, и вторжение начинается.

126. Мы все это знаем на опыте. Мы помним таких людей, как командир бригады Раджендра Синг, погибших, защищая других. Небольшой отряд из 200 человек старался остановить чудо-

вищенное вторжение в 1947 году, но они все до одного погибли. Кашмирцам нелегко забыть. Мы потеряли наших лучших офицеров уже в начале нападения на Кашмир. Нападение это чем-то походило на нападение на Пирл-Харбор — так оно было неожиданно. Более того, мы были настолько наивны, что верили заявлениям пакистанских государственных деятелей; мы думали, что в этих заявлениях может быть элемент правды, что они действительно хотят ликвидировать это вторжение. Однако в части Кашмира оккупированной Пакистаном, имеется высокий военный потенциал, выражающийся в наличии там войск и снаряжения, в укомплектовании командных должностей пакистанским офицерским составом и существовании пакистанского административного аппарата.

127. Знакомясь с документами Совета Безопасности или любыми другими документами, вы можете убедиться, что пребыванию в этой части Кашмира пакистанской судебной, юридической или административной власти нет никакого оправдания.

128. Чтобы попытаться рассмотреть бюджет Пакистана, я приведу сейчас один пакистанский документ. В этом документе приводятся цифры из пакистанского бюджета, включая статьи расходов на содержание администрации в этих районах. Вот требование об ассигнованиях № 79 министерства по делам Кашмира, стр. 71.

«Секретариат — 785 тысяч рупий; Управление главного советника и политического резидента — 70 тысяч рупий; Бюро директора для контакта с общественностью — 318 тысяч рупий; Управление политического резидента для Гилгитского агентства — 58 тысяч рупий.

Увеличение пересмотренных ассигнований и следующего бюджета объясняется главным образом созданием в текущем году должности советника по кашмирским делам и дополнительных должностей в Управлении политического резидента для Гилгитского агентства...»

129. У нас есть некоторые документы, которые могут заинтересовать представителя Соединенных Штатов, так как они свидетельствуют о том, что функционирующее в Вашингтоне так называемое Информационное агентство для свободного Кашмира — или как бы оно там ни называлось — финансируется пакистанским посольством. Мы располагаем перепиской, свидетельствующей о том, чьи приказания это Информационное агентство исполняет и как оно должно функционировать. Мы считаем, что такое положение вещей, когда в Вашингтоне существует учреждение враждебной нам группы мятежников, финансируемое государством, имеющим там представителей, несовместимо с дружественными отношениями между Соединенными Штатами и Индией. Мы готовы представить доказательства всего вышесказанного.

130. Это только один пример. Теперь я коснусь политической стороны вопроса. Весь Азад-Каш-

мир, находящийся в районе Пенджаба и насчитывающий около 1 миллиона жителей, находится под управлением Пакистана. В нем имеется свое марионеточное правительство. За истекшие десять лет там сменилось семь таких правительств, и они продолжают меняться. Иногда, когда вы членом правительства не состоите, у вас одна точка зрения на вещи, а когда вы в него входите, у вас вырабатывается другая точка зрения. Я думаю, что это относится ко всем правительствам. Вместе с другими районами — а именно Гилгитом, Балтистаном, Читралом — весь этот район был прежде под суверенитетом магараджи Дхамму и Кашмира.

131. Все это — территория Индии. Но в настоящее время эти районы включены де-факто или де-юре, и мы можем сказать, что в соответствии с конституцией Пакистана они включены незаконным образом де-юре в территорию Пакистана. Если Совет Безопасности намерен закрывать глаза на этот акт аннексии, то я позволю себе сказать, что Устав Организации Объединенных Наций грубо нарушается. Мы не хотим обвинять кого-либо из членов Совета Безопасности. Быть может, причина здесь в сложности стоящей перед нами проблемы или в отношении некоторых людей, считающих, что если и не смотреть фактам в лицо, то все каким-то образом все равно образуется, и если даже ничего не делать, то все сделается само собой. От Индии на основании заключенного с ней соглашения уже были отделены некоторые ее части. Согласно Акту о независимости Индии от 1947 года, был создан пакистанский доминион, а нам было предоставлено право присоединить к себе остальные княжества субконтинента.

132. В то время правительство Индии ясно заявило миссии Кабинета и всему миру, что, по его мнению, этим индийским территориям должна быть дана возможность присоединиться либо к Индии, либо к Пакистану или же принять меры к созданию другого порядка, что значит стать независимыми. В международном смысле княжества отнюдь не были независимыми, ибо все они были частью одной территории. Об их независимости не могло быть и речи. В этом вопросе мы можем сослаться на авторитет первого генерал-губернатора Пакистана, самого г-на Джинны, заявившего, что присоединение княжеств может состояться только по воле их глав. Право народа на самоопределение осуществляется в момент присоединения. Быть может, такое самоопределение и не является демократическим. Но ведь и некоторые из внесшихся здесь предложений демократическим характером не отличались. Не все страны, представленные в Организации Объединенных Наций, являются непременно демократиями. Это — самоопределение, «самостоятельность» государства, в то время как оно существовало согласно порядку, установленному британским парламентом и впоследствии принятым нами. Они стали таким образом частью Индийского Союза. На прошлом заседании я привел достаточно прецедентов из британской,

американской и австралийской практики, чтобы доказать, что при нашем государственном устройстве какая-либо отдельная единица, составляющая федерацию, не может выйти из этой федерации. Нет никакой возможности это сделать, хотя в Союзе такого типа, как, например, Британское содружество наций, право на отделение и признается. За утверждение этого принципа нераздельности федерации Соединенные Штаты вели войну. Мы намерены таким же образом защищать единство нашей страны, и поэтому не может быть и речи о том, чтобы Совет Безопасности, Пакистан или кто бы то ни было другой был правомочен высказываться по вопросу о присоединении. Это присоединение является фактом, при этом фактом юридическим.

133. Присоединение соответствует международным соглашениям, сторонами в которых в одинаковой мере являются Ее Величество королева Великобритании, действующая через посредство своего правительства; правительство Индии, действующее через посредство своих национальных лидеров, и правительство Пакистана в том виде, в каком оно существует в настоящее время, хотя его руководители и переменялись. Более того, это присоединение постоянно; оно действует в отношении нескольких сотен княжеств, и если бы его можно было каким-то образом изменять, это отразилось бы на всей структуре Индийского федеративного союза. Поэтому все княжество Дхамму и Кашмир, включая оккупированную Пакистаном часть, входит в состав Индийского Союза. Такова наша позиция.

134. Теперь я хотел бы поговорить об одном из главных мест в речи министра иностранных дел Пакистана, где он призывает в качестве свидетеля г-на Грэма (791-е заседание, пункты 29—36). Г-н Грэм мог бы, конечно, высказаться и сам. Не знаю, что именно он тогда сказал бы, но, по моему, и его прошлые заявления достаточно ясны.

135. Я хочу изложить позицию правительства Индии в отношении переговоров, которые велись раньше. Как я уже сказал, мы явились в Совет с протестом против агрессии. На наш протест Пакистан ответил: «Никакой агрессии совершено не было, наших войск там нет». После этого была назначена Комиссия Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана, с чем мы немедленно согласились. Были приняты резолюции. Комиссия неоднократно указывала, что в течение всего этого времени как она сама, так и правительство Индии были озабочены только тем, чтобы достигнуть соглашения о прекращении огня. Поэтому мы старались как можно скорее пустить в ход все имеющиеся примирительные процедуры. Если бы Пакистан не чинил тогда obstructing, выполнил часть I резолюции от 13 августа 1948 года, вывел все свои войска, дал возможность действовать местным властям и ушел бы по добру по здорову домой, то, быть может, вся эта резолюция в целом могла бы быть вскоре выполнена, ибо, как г-н Ярринг го-

ворит в своем докладе, выполнять специальные меры, не выполненные быстро и своевременно, с течением времени становится все труднее. Мы, однако, пытались эту резолюцию выполнять. Мы старались это сделать в Париже, в Женеве, в переговорах с г-ном Грэмом, здесь, в Совете Безопасности, и вообще везде.

136. Мы считаем, что все эти беседы имели своей целью только выяснение обстановки, что относится также к беседам с премьер-министром Пакистана г-ном Лиакат Али Ханом до начала обсуждения вопроса в Совете Безопасности. Премьер-министр Индии и он обменялись рядом писем. Премьер-министр Индии писал в одном из своих писем премьер-министру Пакистана: «Мы сделали все от нас зависящее для урегулирования вопросов, ведя с каждым из вас различные переговоры и делая различные предложения. Ни на что предложенное нами вы не согласились. Теперь поэтому мы будем руководствоваться теми правами, которые предоставляет нам Устав».

137. Именно это привело нас в Совет Безопасности. Таким образом, так же как наш протест от 1 января 1948 года положил конец проходившим до того предварительным переговорам, которые велись в целях выяснения обстановки, так же точно все беседы, происходившие после, независимо от того, велись ли они между премьер-министрами или между г-ном Грэмом и постоянными представителями сторон в споре, носили лишь осведомительный характер. Правительство Индии считает себя связанным только резолюцией Совета Безопасности от 17 января 1948 года и двумя резолюциями, принятыми Комиссией 13 августа 1948 года и 5 января 1949 года, вместе с заверениями, данными правительству Индии Комиссией. Мое заявление не означает какой-то новой позиции правительства Индии. Я уже говорил об этом в своем прошлом выступлении.

138. Раз уж я заговорил об этом, то мне следует остановиться еще и на другом вопросе, так как мое правительство совсем не желает, чтобы любое наше заявление, все, что мы можем сделать или не сделать, было истолковано как принятое нами на себя обязательство. Нам приходится расплачиваться за нашу умеренность; нам приходится расплачиваться за сговорчивость, которую мы проявляем в Совете Безопасности. Каждый раз, когда мы изучали какое-либо гипотетическое предложение, или каждый раз, когда мы соглашались заняться выяснением обстановки, это истолковывалось как принятие нами на себя обязательства. Поэтому я хочу сейчас же здесь, в Совете, заявить, что, каковы ни были бы цифры, обсуждавшиеся в предыдущих переговорах — было ли это 6 тысяч, 3 тысячи, 12 тысяч или 21 тысяча — они больше никакого значения не имеют, ибо непринятое предложение не может связывать ни отдельное лицо, ни государство, сделавшее его. В противном случае в мире было бы множество односторонних обязательств и ни

одно государство не могло бы дать себе отчета в том, каково его юридическое положение.

139. Поэтому я хочу здесь сейчас же заявить, что если кто-нибудь явится в Индию и станет нам говорить, что мы когда-то на что-то согласились и что поэтому теперь связаны этим обязательством, то это бесполезно. Мы ни на что не соглашались. Мы обсуждали все вносившиеся предложения. Но их следует рассматривать, как и все проблемы вообще, с учетом конкретных обстоятельств. Мы согласились со всеми постановлениями, стороной в которых мы являемся. Какой бы интерес, какое бы положительное отношение правительство Индии ни проявляло за последние семь или восемь лет к некоторым предложениям в порядке изучения вопроса, это его не связывает по двум причинам. Прежде всего, эти предложения вносились в течение длительных переговоров, при иных обстоятельствах, а — согласны ли с этим представители, сидящие за столом Совета, или нет — изменения всегда необходимо учитывать. Вот почему правительство Индии не связано никаким обследованием или никаким планом, носящим предварительный и гипотетический или временный характер, который оно могло сочувственно предложить, поддерживать или рассматривать в прошлом.

140. Правительство Индии ни в коем случае не желает дать повод к тому, чтобы его могли — по нашему мнению, ошибочно — обвинить в неисполнении принятых им на себя обязательств. Поэтому мы особо осторожны в заявлениях, могущих подать такой повод.

141. Неоднократно говорилось — и это удачный аргумент, — что г-н Грэм сделал ряд предложений. Их было, кажется, двенадцать или четырнадцать. Число четырнадцать стало числом, которому придается особое значение после четырнадцати пунктов президента Вильсона. Сколько бы этих предложений ни было, мы якобы согласились не то на восемь с половиной из них, не то на девять и три четверти или что-то в этом роде, и поэтому утверждают, что теперь все дело в том, чтобы достигнуть соглашения и по остающимся предложениям. Это было бы верно, если бы переговоры продолжались. Но переговоры прекратились, и с тех пор произошли новые события.

142. Если бы между нашими двумя странами был заключен договор, начинающийся словами «высокие договаривающиеся стороны, искренне желающие жить между собой в добром согласии, заключают следующее соглашение» и т. д. и если бы им удалось договориться лишь об одном этом пункте, и ни о чем другом, то что это был бы за договор? Поэтому, если в начале данного соглашения говорится, что такой-то вопрос будет разрешен демократическим путем, посредством плебисцита или подобным образом, что мы соглашаемся на то-то, то-то и то-то, все это станет подлинным соглашением только в том случае, если будет составлен весь документ.

Нельзя вырывать из контекста какую-то его часть и говорить, что вы на это согласились. Такова наша позиция. Мы никогда не даем своего согласия по отдельным пунктам; мы согласны ради удобства рассматривать каждый пункт в отдельности и сказать при этом: «Да, это, по-видимому, удовлетворительно», но он будет нами принят лишь в случае принятия всего соглашения в целом.

143. Это указывает на то, как неправильно толкуется резолюция от 13 августа 1948 года. В политических решениях и проблемах такого рода нельзя нарушать последовательности отдельных элементов или вырывать их из контекста. Перемешивая эти элементы, можно исказить всю картину.

144. Вот как мы воспринимаем все эти математические подсчеты в отношении количества пунктов. Мы не судим матч между боксерами — сколько очков в пользу Индии и сколько в пользу Пакистана. Предложения г-на Грэма или любые другие предложения стали бы для нас обязательными, если бы мы приняли все эти предложения в целом. Если в этих предложениях имеются различные пункты и, обсуждая их, мы говорим, что относительно этого, по-видимому, возражений нет или что вот этот пункт мы готовы обсудить или что еще другой пункт как будто бы приемлем, то это все имеет значение лишь в рамках данных переговоров, и если бы эти переговоры продолжались до сих пор и не были прерваны и если бы в нашем положении ничто не изменилось, то эти наши заявления могли бы иметь какое-то значение и теперь.

145. Поэтому мы не допускаем, чтобы из доклада г-на Грэма можно было выбирать какие-то отдельные места и говорить, что Индия согласна вот на это, а Пакистан — на это. Мы не требуем, чтобы Пакистан считал себя связанным принятыми на себя таким образом обязательствами по отдельным пунктам.

146. Все беседы, которые велись для выяснения обстановки, поскольку они ни к чему не привели, поскольку они ничем нашего суверенитета не ограничили, не налагают на правительство Индии никаких обязательств. Они не налагают на нас не только никакого юридического, но и никакого морального обязательства, ибо мы на них смотрели просто как на гипотетические предложения, направленные на выяснение обстановки. Сам факт, что обсуждалось столько цифр и обсуждался вопрос о том, какие вооружения могут быть допущены и каковыми должны быть их характер и количество — вопрос, который так и остался неразрешенным, — все это указывает на то, что этот вопрос является отнюдь не гарантией, а необходимым условием, которое должно быть положено в основу договора. И если по основному условию договора соглашения не достигнуто, то все другие условия зависят от него и не имеют значения.

147. Поэтому, что касается нас, то, хотя мы и оценили личные качества г-на Грэма и призна-

тельны ему за усилия, которые он посвятил выполнению порученного ему дела, мы не считаем себя в настоящее время связанными каким-либо из его предложений. Мы их обсудили — и при этом весьма серьезно и искренне. Мы старались пойти дальше. Быть может, в этих наших стараниях мы не всегда были осторожными. Но речь шла лишь о гипотетических предложениях и о поисках решения. Следовательно, бесцельно говорить нам о том, по скольким пунктам мы выиграли и по скольким проиграли.

148. Такова наша позиция в отношении доклада г-на Грэма. Поэтому моя делегация и решила не рассматривать подробно различные его доклады, так как, если бы мы на это согласились, нам пришлось бы обсуждать затрагиваемые в них вопросы по существу. С нашей же точки зрения, все это принадлежит истории; это — не обязательство, принятое на себя Советом Безопасности. Доклады г-на Грэма не похожи на документы Комиссии Организации Объединенных Наций для Индии и Пакистана. Эти документы, равно как и декларации и резолюции Совета Безопасности, являются решениями; это — резолюции, в которых содержится то или иное решение, принятое по достижении в данном вопросе согласия, решение, которое мы обязались выполнять. Таким образом, по своей природе, по своему содержанию и по своему статусу все эти переговоры, о которых я говорю, независимо от того, происходили ли они между г-ном Грэмом, то есть между представителем Организации Объединенных Наций и нашими представителями, или между двумя премьер-министрами, или между должностными лицами на разных уровнях, были всего лишь переговорами предварительными.

149. Между Пакистаном и Индией происходит много бесед, из которых многие не приводят ни к каким результатам. Но это отнюдь не значит, что в воздухе висит множество принятых нами на себя обязательств. Никакое дело так не делается.

150. Вот почему моя делегация решила не обсуждать по существу различные упоминавшиеся пункты. Мы легко могли бы, приведя из них некоторые цитаты, обратить их против нашего противника, но я не хочу к этому приему прибегать, потому что мы этим признавали бы за этими предложениями какую-то ценность в настоящем. Между тем эти предложения нас не связывают. Они никогда и не должны были нас связывать. Это были всего лишь подготовительные обсуждения, и они приобрели бы какое-то обязательное значение лишь в случае заключения соглашения. Как я уже говорил, в каждом договоре есть фразы такого рода, как «ввиду дружественных отношений, связывающих договаривающиеся страны» или «для того чтобы достигнуть этой цели, договаривающиеся стороны решили сделать то-то и то-то» и т. д. и т. п. Такие фразы включаются в преамбулу или в первые пункты соглашения. Затем идет его основная часть, и если договаривающиеся стороны не могут о ней договориться,

то преамбула выбрасывается и о ней больше не думают.

151. Таково же значение всех тех заявлений о решении сделать то-то и то-то, которые вы найдете в резолюции от 5 января 1949 года и в других документах. Действительно, что признает и сама Комиссия. Вот все, что я хотел сказать о так называемых «обязательствах», якобы данных нами г-ну Грэмму.

152. Ввиду этого Совет Безопасности должен сейчас обратиться — должен не с нашей, а с его собственной точки зрения — к находящемуся у него на рассмотрении докладу г-на Ярринга (S/3821), в котором уж, конечно, не говорится, будто бы часть I резолюции от 13 августа 1948 года была выполнена. Я привел достаточно доказательств ее невыполнения — привел не из головы, а из находящихся у вас на рассмотрении документов. Эти же документы представили в качестве доказательств не мы, они являются заключениями Комиссии для Индии и Пакистана, и я позволю себе утверждать, что Совет не может отвергнуть фактические заключения этой Комиссии и что сейчас эти заключения никак нельзя, так сказать, переделывать.

153. Кроме того, эти обязательства касаются основного аспекта нашего положения, а именно единства и неприкосновенности Индии и нашего права защищать все индийское государство. В третьем докладе Комиссии говорится:

«Комиссия не упустила из виду притязаний Индии на право заботиться о безопасности княжества, так же как она не оспаривала вопрос о законности правительства Джамму и Кашмира»⁵.

В Джамму и Кашмире существует только одно правительство — правительство княжества, то есть правительство княжества Джамму и Кашмир.

154. Далее в докладе говорится:

«Однако будучи примирительной комиссией для поддержания мира, она должна была принимать во внимание опасность, которая могла возникнуть...»⁵.

Поэтому все содержащиеся в этом документе другие предложения являются, как я уже говорил, пробными предложениями примирительного характера, предлагаемыми в поисках разрешения вопроса. Они ни в какой мере не меняют нашей юридической, политической или моральной позиции.

155. Затем нам дают понять, что если бы состоялся плебисцит, он был бы, так сказать, совместным начинанием пакистанского и индийского правительств. Впервые имел бы место случай,

⁵ Официальные отчеты Совета Безопасности, четвертый год, Специальное дополнение № 7, документ S/1430, пункт 265.

когда Совет Безопасности поставил бы агрессора в положение, равное с тем государством, против которого акт агрессии был совершен. Несомненно, что в разбирательстве всякого дела, независимо от того, производится ли оно в местном или в международном масштабе, обвиняемый становится его участником. Если какое-то лицо совершает нападение на другое и пострадавший обращается с жалобой в суд, то и лицо, совершившее нападение, несомненно, становится участником процесса. Это не дает ему, однако, того же статуса, что и пострадавшему.

156. Против нас был совершен акт агрессии. Быть может, мы сами виновны в некоторых ошибках, сделав что-то, чего не следовало делать, и не сделав чего-то, что сделать следовало. Быть может, мы не были так упорны, как следовало, в заявлении наших требований, так как мы с первого же дня заявили, что мы никого не хотим оскорблять. Мы не хотели, чтобы кому бы то ни было выносилось какое-то резкое осуждение. Все, чего мы в действительности хотели, это прекращения агрессии. Наша позиция остается такой же и теперь, и то, к чему мы стремимся, может быть достигнуто только одним из двух способов.

157. Явившись в Совет Безопасности 1 января 1948 года, мы заявили, что агрессия может быть прекращена только военным путем, только путем вторжения индийской армии на территорию Пакистана. Но война между такими двумя странами, как Индия и Пакистан, просто невообразима; ее ни в коем случае не должно быть. Если, однако, со стороны Пакистана будут попытки проникать глубже на нашу территорию, мы должны будем всеми имеющимися у нас силами ее защищать, и никто не может предсказать того, что произойдет.

158. Мы явились в Совет Безопасности, чтобы предотвратить такие действия. Мы заявили тогда:

«Правительство Индии просит Совет Безопасности потребовать от правительства Пакистана немедленно прекратить оказание этой помощи, ибо она представляет собой акт агрессии против Индии. В случае, если Пакистан не выполнит этого требования, правительство Индии может оказаться вынужденным в целях самозащиты перейти пакистанскую границу, чтобы начать военные действия против нападающих. Поэтому вопрос этот носит характер крайней срочности и требует принятия немедленных мер Советом Безопасности, чтобы предупредить возможность нарушения международного мира» (S/1100, приложение 28, пункт 1).

159. Правда, мы не ссылались на главу VII Устава, и мы не требовали применения статьи 39 для объявления Пакистана агрессором. Мы не сделали этого в значительной степени ввиду наших отношений с Пакистаном, которые, я надеюсь, несмотря на переживаемые в настоящее

время затруднения, станут с течением времени такими, какими им быть надлежит. Ибо это — две страны субконтинента с общими традициями и общими интересами. Когда прекратится действие некоторых посторонних факторов, обнаружится подлинный характер наших двух народов и между ними установится дружба. Пока же, однако, мы не намерены допускать нарушения неприкосновенности нашей территории.

160. Поэтому мы явились с настоящим требованием в Совет Безопасности, и требование это остается на рассмотрении Совета. Это приводит меня к необходимости рассмотреть два аспекта событий, происшедших со времени последней серии заседаний Совета, на которых эта проблема рассматривалась.

161. Выступая в Совете последний раз, я, не ссылаясь на доктрину *rebus sic stantibus*, все же указал на происшедшие перемены. Я указал также на то, что пакты должны выполняться, но выполнены, однако, не были. Но за последние три или четыре месяца в позиции Пакистана и всех его представителей по отношению к княжеству Джамму и Кашмир произошли значительные изменения. Я намерен представить Совету Безопасности все факты и со всей серьезностью спросить, собирается ли он рассмотреть лежащую за этими фактами картину. К сожалению, мне придется указать на причины и мотивы этих действий Пакистана. Представитель правительства должен, разумеется, в вежливой форме вскрывать подлинные факты, как бы они ни были неприятны.

162. Поэтому на сегодняшнем дневном заседании я рассмотрю два аспекта стоящего перед нами вопроса. Я изложу новые относящиеся к этому вопросу факты, происшедшие со времени последней серии заседаний Совета и со времени возвращения г-на Ярринга из Индии, — факты, которые могут повлиять, хотя я и надеюсь, что не повлияют, на события ближайших месяцев. Я буду говорить также о нашей собственной позиции в вопросе Джамму и Кашмира.

163. Многие из наших друзей, включая представителя Соединенного Королевства, часто спрашивают нас, в чем заключается наша позиция, что именно мы предлагаем. Мы формулировали наши предложения несколько раз, и на сегодняшнем дневном заседании я намерен изложить их содержание.

164. Факты, о которых я буду говорить, основаны не на слухах; они будут подтверждены необходимыми доказательствами. Мы не просим Совет Безопасности выносить решение по этому вопросу, потому что, как я уже говорил, Совет не является судом или учреждением, уполномоченным разрешать территориальные споры. Но мы явились в Совет, полностью сознавая свою ответственность, чтобы представить неопровержимые факты, подтвержденные документальными данными. Как мы указывали, некоторые утвержде-

ния о деяниях, совершаемых на нашей стороне границы, не только не верны, как о том свидетельствуют факты, верно как раз обратное.

165. Говоря о положении в оккупированной части Кашмира, я должен заявить, что к нам оттуда переходит большое число беженцев. Ваш представитель, г-н Председатель, получил от министра иностранных дел Пакистана сообщение (S/3860), в котором говорилось, что кашмирское правительство поселило в домах и на покинутой хозяевами земле индусов, якобы ранее в Кашмире не проживавших, и что таким образом это правительство нарушило международное соглашение.

166. Мы дали на это почти незамедлительный ответ. Сделать это нам было нетрудно, так как факты не требуют доказательства. Однако всего два или три дня назад до нас дошло сообщение, абсолютно не соответствующее фактам. Нам очень трудно помешать людям переходить линию прекращения огня на нашу сторону в поисках пищи и лучших условий жизни, и поскольку это касается иногда и политических деятелей, то их к этому вынуждают политические условия. Десятки тысяч таких беженцев пришли в Южный Кашмир. Этот непрекращающийся поток людей, ищущих убежища и пищи, является для Индии хронической проблемой. Из Пакистана пришли миллионы таких людей, и на то, чтобы обеспечить этих беженцев жильем и создать им хотя бы сносные условия жизни, индийское правительство израсходовало сумму, равную 630 миллионам долларов. Это — чрезвычайно сложная проблема для Индии в целом.

167. Главные затруднения, которые создаются для нас случаями перехода линии прекращения огня, заключаются в следующем. У нас нет никаких гарантий, что каждое переходящее на нашу сторону лицо является подлинным беженцем. Среди них могут быть лица, переходящими линию с враждебными целями, но так как все они граждане Индии, мы не хотим прибегать для выяснения того, кто они в действительности, к суровым мерам. Тот факт, что среди них есть лица, проникающие к нам с враждебными целями, не подлежит сомнению, так как намерения некоторых из них нам удалось установить.

168. К нам переходит большое число беженцев; цифры об этом я приведу на сегодняшнем дневном заседании. Лица, расселяемые в данных районах, это те, которые раньше жили в этих местах. Главное не в том — индусы это или магометане. Это — кашмирцы, которые либо бежали во время вторжения, либо сначала поддались ложной пропаганде о теократическом государстве, а затем поняли, что лучше иметь свой собственный дом, чем провозглашать какие-то доктрины. Линию прекращения огня переходят тысячи и тысячи людей и число их возрастает. Они создают для Индии весьма важную проблему, могут еще дальше усложнить существующее сейчас положение.

169. Помимо массовой миграции, имевшей место в 1947 году, когда миллионы людей перешли с территории теперешней Индии на территорию теперешнего Пакистана и из теперешнего Пакистана в теперешнюю Индию,— помимо этого еще 4,5 миллиона человек перешло в Восточную Индию. Это была одна из крупнейших массовых миграций в истории. Мы думали, что этим все закончилось. Но с тех пор массовый переход насе-

ления в Индию продолжается. На сегодняшнем дневном заседании Совета Безопасности я приведу относящиеся к этому факты, ибо все это связано с вопросом о геноциде и о жестоком обращении с беженцами, в которых мы якобы повинны.

Заседание закрывается в 13 час.

**КАК ПОЛУЧИТЬ ИЗДАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ**

Издания Организации Объединенных Наций можно купить в книжных магазинах и агентствах во всех районах мира. Наводите справки об изданиях в вашем книжном магазине или пишите по адресу: Организация Объединенных Наций, Секция по продаже изданий, Нью-Йорк или Женева.

HOW TO OBTAIN UNITED NATIONS PUBLICATIONS

United Nations publications may be obtained from bookstores and distributors throughout the world. Consult your bookstore or write to: United Nations, Sales Section, New York or Geneva.